

Иосиф Циммерманн

Из ниоткуда

Иосиф Антонович Циммерманн

Из ниоткуда

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70354126
SelfPub; 2024*

Аннотация

С возрастом, героине повести становится ясным, что материальный достаток это еще не счастье. У человека есть и другие потребности, даже более важные. В смятении чувств, вместо подаренного ей на юбилей кругосветного путешествия, она с одним лишь рюкзаком за спиной улетает на Канарские острова. Ночь, которую женщина проведет в пещере давно искорененных испанцами аборигенов – гуанчей, изменит не только ее личное будущее, но и частично исправит последствия позорного прошлого ее семьи. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Содержание

Предисловие	5
Муся. Неизгладимый позор	11
Аня. Девочка Пяти углов	26
Канарское авокадо	45
Анкор	65
Калима	80
Люся. Королева пещер	88
Ночь в пещере гуанчей	112
R1b-M269	116

Иосиф Циммерманн

Из ниоткуда

*...есть вопросы, на которые
не бывает правильных ответов...*

Предисловие

Это произошло в славном и чудесном городе на берегу Невы, где на стыке континентального и морского климата всего-то пара десятков солнечных дней в году, а темь летних безлунных и беззвездных ночей, вместо ожидаемого мрака, безмерно разбавлена молоком и местность с вечера и до утра покрыта гражданскими сумерками. Состояние, когда окружающий мир ожидает ночи, а она все не приходит и не приходит. Естественное освещение остается высоким, хотя совсем уже не похоже на дневное. Оно томительно. Оно загадочно. Бледный воздух наполнен пепельного оттенка туманностью, которая таинственно ласкает бронзу и камень городских построек и своим бессонным светом еще больше размывает и так неровные очертания природы, полностью лишая их теней.

Очарование белых ночей неизменно восхищает созерцателя. Тем предосудительнее, что именно в этом месте разыгралась столь непристойная семейная трагедия. Хотя, неоспоримо, она могла произойти и в любом другом уголке земного шара.

Бывшая или вторая столица России, в противовес «о ту пору» консервативной теремушечной Москве, изначально и осознанно была открыта европейскому и мировому влиянию. Поэтому нет смысла задаваться вопросом, как и по-

чему в городе, переименованном на тот момент из Санкт-Петербурга в Петроград, в одной интеллигентной семье новорожденную девочку назвали Арьяной. Помимо красивого звучания, это имя в индийской культуре имеет глубокий смысл и ассоциируется с высокой моралью, духовностью и мудростью. А именно эти качества старались привить родители своему единственному ребенку и очередному члену общества – Кожевниковой Арьяне Тимофеевне.

После революции к ним из посадской деревни перебрались жить отцовские родители, чей двухэтажный деревянный особняк экспроприировали большевики. Отныне в нем заседал сельский совет народных комиссаров. Так что к пяти жильцам двухкомнатной квартиры, что находилась в трехэтажном здании на набережной Правого берега реки Невы, вблизи Финляндского железнодорожного моста, никого чужого подселить уже не имели права. Кожевниковы избежали участи сосуществования в советской коммуналке...

Мать Арьяны занималась сбором, систематизацией и, по возможности, публикацией фольклора: русских песен, частушек и сказок. Отец – в неброских тонах писал натюрморты. Родители категорично сторонились политики, видимо, поэтому их не коснулись репрессии 37-го года.

Четверо взрослых Кожевниковых даже в самые суровые и голодные годы были в состоянии пестовать единственного ребенка. Пусть не с маслом, но хлеб для их девочки всегда имелся вдоволь.

– Растет как на дрожжах, – непонятно, радовалась или сетовала бабушка, периодически перешивая внучкины одежки: расширяя их в плечах и талии; удлинняя рукава и подола платьев.

В отличие от своих родителей, Арьяна не стала творящим писателем или художником и, получив высшее образование искусствоведа, устроилась работать научным сотрудником в одном небольшом ленинградском музее.

Внешне девушка вообще не походила на человека ее профессии, каким его представляет большинство из нас. Высокую, крупной кости Арьяну, со студенческих лет неизменно одетую в суконную без складок юбку и гимнастерку, приталенную на поясе ремнем, а зимой в фуражке и куртке-авиатор из черной кожи, часто путали с кондуктором трамвая или даже милиционером.

– Ну ты и дылда, – приходилось ей слышать не только на улице, но и даже дома от родных.

– Так вы же сами меня манкой на маргарине откармливали, – нарочито обиженно возмущалась Арьяна.

Немудрено, что огромных размеров девушка дольше всех своих сверстниц засиделась в невестах и вышла замуж, когда ей уже исполнилось двадцать пять лет. Овдовевший капитан Красной Армии был намного старше ее. Никто не знает, где и как они познакомились. В семье об этом никогда не говорили. То ли из-за секретности офицерской службы, то ли это было абсолютно второстепенным.

– Зато теперь все как у людей! – облегченно вздохнула бабушка и тайно перекрестилась, прикрывшись краем огромного, накинутаго на плечи платка.

Ни прародителям, ни родителям не суждено было дожидаться внуков. Семейная чета Арьяны и капитана первые годы прожили бездетно. А потом грянула война...

Армейское подразделение мужа тут же было переброшено на передовую линию обороны.

А вскоре и сам Ленинград стал фронтовым. Практически на всех окнах клеили бумажные кресты. В скверах установили зенитки. На улицах часто можно было встретить девушек из противовоздушной обороны, колдующих над баллонами с газом для привязных аэростатов.

Арьяна все еще работала в музее. С парой других освобожденных от мобилизации сотрудников она консервировала и упаковывала наиболее значимые экспонаты. Никто не мог тогда знать, когда и как удастся вывезти музейные оригиналы из блокадного города. Но надежда была.

В сентябре начались регулярные бомбежки и обстрелы Ленинграда. В домах ввели затемнения, всем раздали противогазы. Практически все взрослое население рыло траншеи во дворах жилых домов и скверах города.

Арьяна добровольно записалась в противовоздушную оборону. Женщины их взвода белили известью стропила на чердаках многоэтажных домов, дабы увеличить огнестойкие свойства деревянной конструкции. Там же заготавлива-

ли ведра с песком и всевозможные емкости с водой для защиты от пожара и тушения вражеских «зажигалок».

В окруженном фашистскими войсками городе закончилось топливо. С приходом холодов замерзли водопроводные трубы. Ленинград остался без света и питьевой воды. Ко всем бедам прибавился голод. Продукты питания раздавали исключительно по талонам. Светло-серый блеклый цвет этих купонов наглядно показывал мизерность того, что на них можно было получить. К тому же рационы постоянно уменьшались. В это голодное время Арьяна похоронила всех своих домочадцев: и бабушку с дедушкой, и маму с папой...

Смерть стала повседневным, обычным явлением жизни города. Она косила подряд и млад, и стар. Трупы лежали на каждом шагу. Из всех работников музея останется в живых одна Арьяна...

Когда-то с Ленинграда снимут блокаду, закончится война; пусть и тяжелораненым, но живым вернется домой ее супруг. Но радость бытия, казалось, уже никогда не затронет душу и сердце этой женщины...

Пройдут два года.

– Я беременна, – как-то обыденно произнесла за обеденным столом Арьяна.

Демобилизованный по состоянию здоровья офицер не удосужился даже встать. Вытянув руку, супруг лишь кончиками пальцев пару раз постучал будущей матери по плечу. Смертельно больному уже явно было не до детей...

Никто не встретил мать с ребенком у дверей роддома. Дома их тоже не ждали. Арьяне придется одной растить дочь Людмилу...

Муся. Неизгладимый позор

По поверхности образовавшейся вдоль тротуара лужи порывистый ветер хаотично разгонял пеструю флотилию опавших листьев. Не каждый изогнутый в виде лодочки лист выдерживал столь бесцеремонное к себе отношение: десятки опрокинувшихся теперь покоились на дне, под слоем темной и холодной воды.

Восстановить потери было нечем. Одиноко стоящий рядом клен уже полностью сбросил свое осеннее убранство.

Изменить ситуацию пыталась сердобольная старушка. Ей явно некуда было спешить. Сняв варежки и опираясь на клюку, она с трудом, тяжело нагибаясь над лужей, по одиночке поднимала затонувших со дна. Осторожно вытерев лист о свое дряблое пальтишко, проходя долго и с обеих сторон обдувала его. Казалось, что перед тем, как совершить обряд спуска ладьи на воду, пожилая женщина пытается вдохнуть в него новую жизнь.

Не считая ничтожного оазиса яркого кленового опада, подавляющую часть окрестности заполняло пасмурное ненастье. В небе и на земле доминировали серые цвета. Моросил мелкий дождь. На фоне дымящих труб соседнего завода он казался мутным. Его крапинкам нужно было пару минут, прежде чем у них получалось воссоединиться и набрать на оконном стекле полноценную каплю, которая начинала мед-

ленно сползать вниз, оставляя за собой грязный след.

Арьяне, наблюдавшей их окна второго этажа музея за старушенцией и ее спасательным мероприятием, вдруг показалось, что это у нее самой текут слезы.

– Какой печальный, беспросветный день, – вслух умозаключила созерцательница. – Один в один как моя жизнь.

В последнее время ее часто посещали, теснили и пугали странные мысли о тщетности бытия. Толпы неясных вопросов, навевая темные ощущения, пугали и беспрестанно барабанили воспаленное сознание. Крутясь в голове заезженной пластинкой, под стать ее низким тянущимся звукам, они тормозили на одном и том же месте, а потом срывались и, перескакивая в начало диска, снова начинали свое противное нытье.

Помимо скверного сна, зрелую женщину отныне одолевали приступы детской плаксивости и непременно следующие за ними взрывы неоправданной раздражительности. То и дело тело наполняла непонятная жара, тут же вызывая обильный пот. С недавних пор директор музея держала в шкафу своего кабинета по несколько сменных блуз.

– Кажись, и вправду старость подкатила! – внешней поверхностью кисти руки Арьяна невольно вытерла сухие щеки. Она сознательно избегала слова «климакс», который диагностировал ее участковый врач...

В дверь постучали. Погруженная в глубокое раздумье фигура у окна отреагировала не сразу.

– У вас такое редкое имя, – низкий, по-особому глубокий басовитый мужской голос заставил Арьяну встрепенуться. Выразительный тембр мурашками пробежался по всему женскому телу. Она резко обернулась.

В проеме дверей стоял светловолосый богатырь. Длинными пальцами широких ладоней он бережно водил по буквам вывески на двери кабинета директора музея. Густые усы и бородка не в силах были скрыть налитые алые губы, расплывшиеся сейчас в красивой жизнерадостной улыбке. Голубые глаза вылитого Добрыни Никитича сияли подобно насыщенному сапфиру.

– Арьяна Тимофеевна, можно войти? – его голос не переставая будоражил женщину. – Айексей. Меня к вам направийи дья реставрации картины...

Он слегка картавил. Не противно. Как-то по-французски: с четкой «р», но не выговаривая букву «л». Получалось мягкое и тягучее произношение:

– Направийи дья...

Ну, а в остальном Алексей оказался хорош во всех ипостасях: неопикуемой красы мужчина, почти два метра высотой; перспективный и талантливый художник, с уверенной техникой кисти и отменным чувством красок; не в последнюю очередь – непревзойденный опытный марьяжник, способный вскружить голову любой представительнице слабого пола. Не мудрено, что вскоре у Арьяны появился второй муж, а у Людмилы отчим. Как покажет время, даже чересчур

любимый...

Год спустя в узком семейном кругу с обильно, по тем временам, накрытым столом и дорогими подарками отметили Людмилино шестнадцатилетие.

Отчим самодовольно обозревал и громогласно расхваливал собственноручно им организованную трапезу:

– Пошехонский сыр. С трудом достав. С недавних пор выпускают в Ярославской области. Нежный, съегка пряный и умеренно кисйеватый вкус.

– Ковбаса «Московская» с кусочками жирка.

– Копченый павтус. От его умопомрачительного запаха народ на уйице оборачивався, с завистью и повным ртом сюней, строго смотрии мне всьед. Я даже бояйся, что в подворотне могут огьюшить и ограбить.

– Торт пойено Сказка. Пропитанный коньяком бисквит и нежнейший крем с какао.

С наслаждением заправского гурмана Алексей описывал все эти блюда. А вот утку с яблоками, салат из свежих помидоров с огурцами, бутерброды с красной икрой и паштетами он почему-то не удостоил даже одним словом. Арьяну это слегка покорибило. Ведь она так старалась.

– Всем шампанского! – властно распорядился отчим. – Крымское, бархатное.

– А почему оно называется бархатным? – едва отхлебнув глоток, поинтересовалась то ли от счастья, то ли от первого алкоголя опьяневшим голосом именинница.

– Из-за танина, – со знанием дела пояснил Алексей. – Чувствуешь терпкий, съегка горьковатый вкус?

– Да.

– Язык и губы сушит? Ощущаешь их шероховатость?

– Ага.

– Как будто кусочек бархата в рот взяйя?

Вместо ответа, слегка кивнув головой, падчерица прикрыла вмиг покрасневшее лицо руками и по-детски захихикала...

Мать подарила дочери серебряную брошь, оставшуюся ей самой по наследству от бабушки. Алексей преподнес падчерице в дар клетчатую юбку-карандаш и виниловые туфельки.

– Как точно ты угадал Люсины размеры? – вслух удивилась Арьяна. – Обычно ты даже для себя рубашку подобрать не можешь.

– Так мы это, – чуть запинаясь, пробурчал в ответ Алексей. – Вместе с Мусей выбирайи.

Буквально с первых дней совместной жизни отчим переделал имя Люся на удобное для него без буквы «Л» – Муся.

Работницы музея наперебой восхищались, как же повезло директрисе с мужем, на редкость трепетно заботящемся о падчерице.

Отгадка не заставила себя долго ждать. В один из февральских дней Алексей сказал, что ему необходимо проведать больную родственницу, живущую в Новой Усмани, Воронежской области.

– Не знаю, как надойго, – обреченно развел он свои красивые, мускулистые руки. – Тете нужен уход.

Предчувствуя долгую разлуку, жена попыталась броситься мужу в объятия, но Алексей успел отвернуться, делая вид, что он озабочен сборами чемодана. Супруге не осталось другого выбора, как только нежно погладить его широкую спину...

Реставратор уехал. Обещал по приезде на место дать телеграмму, а потом часто звонить и еженедельно писать письма. Но напрасны были ожидания. От Алексея не было ни слуху, ни духу. Он бесследно исчез.

Ругая себя за то, что не взяла у мужа адрес его больной тети, Арьяна было собралась идти в милицию. Намеревалась подать заявление на розыск супруга. Но ей неожиданно преградила путь Людмила.

– Не ходи, – едва дрожащим сухим голосом, как-то уж очень рассудительно и по-взрослому потребовала дочка. – Мой Лешенька никогда не вернется к тебе.

У матери вдоль позвоночника пробежал холод. Она впервые слышала, чтобы ее дитя называло отчима столь ласково и в уменьшительной форме. А еще это режущее слух – «мой»...

Не обронив и слова, Арьяна прошла на кухню. Остановилась возле холодильника. Как бы в раздумье несколько раз провела пальцами вдоль надписи «Газоаппарат». Нерешительно, но все же открыла дверцу. Достала поллитровку вод-

ки. Стоя выпила треть содержимого прямо из горла. Тяжело опустилась на стул и с грохотом поставила бутылку посреди стола.

– Ну давай, рассказывай теперь все по порядку, – от грубого тона, кажется, даже затряслись стекла неутепленного на зиму кухонного окна.

Не шелохнувшись, Людмила осталась стоять у входной двери. Она не смела даже взглянуть в сторону матери. И только приглушенное жалобное шмыганье носом да равномерное тиканье настенных часов изредка нарушали гнетущую тишину.

– Что я еще не знаю? – выждав минуту, уже тише спросила мать.

– Я беременна! – визгливо вскрикнула Людмила и стрелой метнулась в свою комнату.

Сиюминутно в материнских глазах вспыхнул безрассудный гнев. Она вскочила и в порыве негодования бросилась непутевой вслед. Споткнувшись о порог кухонной двери и почти клюнув носом в паркетный пол коридора, Арьяна едва смогла удержаться на ногах. Успев опереться о стену, она, сторбившись, застыла над собравшимся у плинтуса в гармошку половиком. Переведя дыхание, женщина зло сплюнула и вернулась к столу. Уверенно схватила поллитровку и считай одним залпом допила водку...

С этого дня мать не разговаривала с дочерью. Спустя несколько месяцев на пороге роддома, куда Арьяна самолич-

но отвезла и оформила на сохранение беременную Людмилу, сухо и коротко бросила той на прощание:

– Не смей возвращаться домой. Ты мне больше никто.

Поставила к ногам чемоданчик и, ни разу не обернувшись, ушла прочь...

В десять утра позвонили из роддома. Сотрудница больницы радостно сообщила о том, что Людмила родила девочку. Новоиспеченная бабушка молча выслушала поздравления, холодно поблагодарила за звонок и поспешила положить телефонную трубку. Обхватив руками низко опущенную голову, упершись локтями в дерево рабочего стола, она надолго замерла в этой позе...

Пройдет час, прежде чем Арьяна Тимофеевна оторвет руки от головы, встанет и тихо вслух промолвит:

– Никогда!

Непонятно, что и чего больше в тот момент отрицала обманутая женщина: то ли отказывалась верить в случившееся, то ли поклялась не прощать.

– Какой позор! – за последние месяцы в миллионный раз прозвучала эта фраза.

Директор музея буквально выбежала из кабинета. Не замечая ни времени, ни окружения, вот уже который час она

бесцельно металась по городу, бессмысленно меняя стороны улиц и направление движения. Спасибо ангелам-хранителям, что уберегли ее от участи быть сбитой автомобилем. А таких ситуаций хватало.

Вероятно, она пришла в сознание и вновь ощутила реальность именно в тот самый момент, когда под рифленой резиновой подошвой ее ботинок неожиданно захрустела сухая гранитная крошка. Арьяна Тимофеевна замерла и оглянулась. Спустя мгновение, вытерев тыльной стороной ладони выступившие на высоком лбу крупные капли пота, нежданно и непонятно чему она вдруг улыбнулась. Сама того не ведая, женщина оказалась в любимом сквере.

До войны на этом месте располагались двухэтажные деревянные постройки текстильной фабрики. Фашистские бомбы разрушили и сожгли их до основания. Посреди жилого района образовался двухгектарный пустырь. Наподобие круглой паутины, отсюда в разные стороны лучами расходилось множество переулков и улиц. Для дорожной развязки тут подошел бы лишь круговой перекресток. Иначе светофоров не напасись, да и регулярный транспортный коллапс был бы неизбежен. Но, на благо местных жителей, городские власти почему-то решили отдать площадь под место для отдыха. Коллектив музея активно участвовал в облагораживании этого участка.

Сквер приветствовал своих гостей звонким щебетом птиц и невероятным букетом ароматов. Белые, желтые, фиолето-

вые и розовые оттенки лепестков одновременно распустившихся подснежников, нарциссов и тюльпанов яркими узорами калейдоскопа покрывали многочисленные клумбы. Приятно и успокоительно благоухали цветущие сейчас береза, сосна и ольха.

Пройдя лишь пару метров по слегка витиеватой дорожке, Арьяна Тимофеевна обессиленно опустилась на первую попавшуюся скамейку. Стоявшая рядом гипсовая скульптура отбрасывала на вспотевшую гостью сквера свою спасительную прохладную тень.

– Очень кстати, дорогуша, – директор музея благодарно кивнула неподвижному изваянию.

Несмотря на дешевый материал и типичный социалистический реализм всей композиции сквера, неизвестному, явно талантливому мастеру удалось придать этой фигуре особую естественность и реалистичность: казалось, будто волосы и одежду девушки развеивает невидимый ветерок, а фигура вот-вот начнет двигаться, величественно превознося в двух сцепленных ладонях хрупкую розу.

Вера Любовна – так нарекла ее молва людская.

Сотрудники музея были в восторге от этого наименования. После многочисленных и долгих дискуссий они пришли к консенсусу, что скульптор, должно быть, вложил в девичьи руки весь замысел своего творения: две сложенные ладони символизируют веру, милость и прощение; роза – известный знак любви...

Из ниоткуда, фыркнув крыльями над головой сидящей с печально опущенными на колени руками Арьяны Тимофеевны, молниеносно пронеслась маленькая птичка. Сделав круг, ласточка слегка набрала высоту и, чуть не задев черным клинообразным крылом гипсовый цветок, скрылась под девичьим подбородком статуи. В промежутке между шеей и пышной косой изваяния, судя по прилепленным там комочкам коричневой глины, белогрудая пичуга решила построить свое гнездо.

Увлеченная наблюдением за ласточкой, гостя сквера не сразу заметила, как к противоположной скамье подошла женщина с детской коляской. Перед тем как сесть, молодая мать взяла на руки своего ребенка. Нежно, но в то же время надежно, как на замок, обхватив обеими руками, кормилица прижала дитя к своей груди. По-весеннему мягкие солнечные лучи придавали ее облику божественную умиротворенность.

Что-то встрепенулось в душе Арьины Тимофеевны. Она резко встала и решительным шагом направилась в сторону остановки общественного транспорта. Вошла в трамвай, маршрут которого пролегал мимо роддома...

Тем временем Людмиле впервые принесли на кормление ребенка. Тишину больничной палаты нарушил плач малютки: сначала слабый писк, а затем все более громкий и отчетливый.

Но не успела няня передать родительнице грудничка, как

пациентка вздрогнула и отпрянула. Буквально выпрыгнув из больничной кровати, испуганно прижимаясь к стене, новоиспеченная мать категорично заявила:

– Не надо.

– Как это не надо? – громко удивилась работница роддома и строго добавила: – Твое дитя. Бери и корми.

– Я... Я не могу! – протестовала Люда, все глубже забираясь в угол больничной палаты.

В этот момент на ее лице промелькнул животный страх загнанного зверя: губы были плотно сжаты, ноздри широко раздувались, дышала глубоко, рвано, шумно, а синие глаза беспокойно смотрели то на малютку, то на дверь.

– Это же чистой воды твоя кровинушка, – уже спокойным голосом продолжила нянюшка. – Гляди, какая миленькая. Прими же свое счастье!

Оглядываясь по сторонам, Люда неожиданно заявила:

– Мне надо в туалет.

– Так иди ж быстрее. Там в конце коридора.

– И переодеться хочу. У меня липнет все к телу.

– Под кроватью твой чемодан. Со сменой поди. Только быстро. У меня ты не одна в роддоме. В постоянные сиделки я к тебе не записывалась.

– Спасибо! – на ходу, в проеме дверей поблагодарила Люда и скрылась с чемоданом в руках.

– Ох уж эти мне первороженицы! – тяжело вздохнула няня и уселась с ребенком в руках на край больничной кровати...

Арьяне Тимофеевне пришлось долго ждать. В какой-то момент она даже заволновалась, заметив, как работник регистратуры, пригнувшись за стойкой, о чем-то шепчется с прибежавшей медсестрой. Посетительница не удержалась и грубо спросила:

– Почему так долго?

– А вы кто будете? – сочло нужным спросить не сразу появившееся в проеме окошка регистратуры лицо пожилой медсестры.

– Мать вашу! – лопнуло терпение у Арьины Тимофеевны, и она вскочила со стула. – Я же уже объяснила. Дочь моя, Людмила, сегодня здесь родила.

Голова медсестры исчезла. Из проема окошка послышался нервный возглас регистраторши:

– Ждите! Дежурный врач сейчас выйдет...

И действительно, вскоре в коридоре появилась крупных размеров женщина в белом халате. Не поздоровавшись, еще издали прогорланила на все помещение:

– Сбежала ваша дочь. И ребенка бросила.

– Как? – испуганно спросила посетительница. – Почему?

– А я откуда знаю? У вас надо спросить.

– И то верно, – промолвила Арьяна Тимофеевна и про себя подумала: «Это я во всем виновата. Нельзя быть такой строгой и жестокой. Она ведь молодая, неопытная. Да, ошиблась... Так ведь это я не научила ее быть осторожной. И наплевать, что другие об этом подумают... Но теперь уже позд-

но. Не успела».

Сердце матери все еще отказывалось верить в то, что Люся смогла так бессердечно поступить и бросить своего ребенка. Но внутренний голос тут же ее осекал: «Переспать же с отчимом она посмела. Почему бы не перейти очередной порог неприличия?!»

Укоры совести, обвинения в собственном бессердечии, проклятия в адрес Алексея, чья похотливость, получается, исковеркала судьбы уже трем живым существам, мольба о прощении и просьба вернуть ей дочь – все это враз и вместе острой головной болью обрушилось на Арьяну.

Женщина безвольно, как тюфяк, опустилась на стул.

– И что теперь? – пробормотала она, разведя перед собой руками.

– Я сообщила в милицию, – ответила дежурный врач. – Будут вашу Люсю искать. Хотя, по советскому закону, каждая женщина имеет право отказаться от новорожденного.

– А что будет с девочкой?

– Ребенка в дом малютки оформим. Или...

– Что «или»? – как за спасительную соломинку ухватилась Арьяна и даже привстала со стула.

– Или бабушка заберет внуку к себе. Вы ж еще молодая, поди справитесь...

Обеими ладонями утерев стекающие по лбу струи пота, Арьяна Тимофеевна молча, в знак согласия, несколько раз подряд повинно кивнула головой.

Аня. Девочка Пяти углов

Практически ничего нового из детских вещей приобрести для внучки не пришлось. В семье еще сохранились одежда и обувь из Люсиного младенчества. В плоском сундуке под кроватью покоились: выстиранные и выглаженные аккуратно сложенные и щедро посыпанные таблетками нафталина пеленки, ползунки, распашонки и колготки; многочисленные вязанные из разноцветных шерстяных ниток пинетки; кожаные, со шнурками и нарядной опушкой гусарики.

Не то чтобы Арьяна Тимофеевна знала и предвидела, что они могут ей снова понадобиться, и решила не выкидывать их. Просто так было принято во всех нормальных семьях. В тяжелые и бедные послевоенные годы ничего особо не раздаривали. Лежат, да и пусть себе лежат...

И уж точно мало кто оставлял детские вещи чисто на память. С тех пор как они стали малы, ни мать и ни дочь больше ни разу до них не дотронулись. Даже во время своей беременности и перед самими родами Людмила не проявила интереса к пеленкам и ползункам. А ведь могла бы догадаться, что ребенка из роддома голым не забирают.

Разве что только предстояло купить стеклянные бутылочки с резиновыми сосками. Свою дочь Арьяна вскормила грудью, а вот внучке надо было найти заменитель материнского

молока.

Ну а на то, оказывается, есть соседки! Едва заслышав младенческий плач нового жильца, не в меру любопытные из них как по команде толпой штурмовали квартиру бабушки-одиночки. Кто с пеленками и куклами в руках, кто с детскими пустышками, сосками и бутылочками. Не спрашивая разрешения, они принесли с собой продающееся в фабрике-кухне на разлив специальное молоко для малюток. И откуда только, но соседи уже знали горемычную долю оставленного в роддоме младенца.

– Как звать-то девочку? – застал врасплох Арьяну вопрос соседки, что жила напротив.

– Я еще не подумала.

– Нам тут Аня, имя Анна нравится.

– Спасибо. Пусть будет Анной.

В тот момент Арьяна Тимофеевна действительно была им благодарна. С другой стороны, она хорошо понимала чреватость подобной помощи и чем это может в будущем обернуться. Как известно, у злых язычных бабулек, постоянно дежуривших на скамейке у подъезда, от любви до ненависти всего то одна ступенька. Порой достаточно неуслышанного приветствия, нехватяющих пары сантиметров длины юбки или же лишнего сантиметра каблука туфель. Тут же, и не в позитивных красках, припомнят всю подноготную из жизни твоей семьи...

Лишь поздней ночью соседки оставили бабушку с внуч-

кой наедине. Накормленная и как кукла наряженная, Аня, сладко посапывая, спала в люльке – тоже некогда принадлежавшей Людочке, а теперь доставшейся ей в наследство колыбели. Десять с лишним лет плотно завернутая в мешковину кроватка провисела недотрогой под потолком на лоджии. Как оказалось, у всего двора на виду.

– А я всегда говорила, что это должно быть люлька, – громко похвасталась одна из соседок, самовольно распаковывая деревянную зыбку. – А эти дуры еще спорили со мной – мол, санки это, санки. А меня ведь не обманешь, я все вижу. Санками хоть раз в году, да пользуются...

Арьяна Тимофеевна вздрогнула, на минуту представив себе, что еще в будущем могут поведать Анечке эти всезнающие и всевидящие ревностные блюстители нравов и порядка...

Близилась полночь, но хозяйка квартиры явно не собиралась идти спать.

– Прощение не означает оправдание и извинение, – прозвучал афоризм из уст искусствоведа. – Но соль-то в том, что Люда теперь уж точно не заслуживает пощады. Ведь вместо покаяния за первый проступок она опять опозорила нас.

Вздыхнув всем телом и вытерев полусухие глаза, высокая Арьяна Тимофеевна подошла и легко достала с верхней антресоли семейные фотоальбомы. Вооружившись тяжелыми портняжными ножницами, она стала кромсать все фотографии, на которых были запечатлены Муся или Алексей. Ни-

что в доме не должно было впредь напоминать Анне о ее родителях, бросивших ребенка на произвол судьбы.

– Ты была изначально никому не нужной, – как бы на будущее, вслух тренировала свой ответ бабушка.

Отложив на время в сторону фотографии и ножницы, бабушка бесшумно подошла к колыбели. Низко наклонилась над ней. Осторожно поправила одеяльце и тихо произнесла:

– Клянусь! Никто и никогда не узнает правду твоего позорного происхождения...

Уже следующим утром Арьяна Тимофеевна начала претворять обещанное в жизнь.

Первым делом она позвонила в музей и сообщила своему заместителю, что уходит на неделю в отпуск.

Покормив и потеплее запеленав внучку, она пешком направилась с ней в близлежащий ЗАГС Невского района. От их дома до Володарского моста общественный транспорт не ходил. С ребенком на руках Арьяне Тимофеевне потребовалось более часа времени на пять километров пути.

Учреждение находилось в жилом доме. Не найдя входа с набережной, подуставшей в дороге бабушке пришлось обойти дом, прежде чем она со стороны улицы Народной попала в неказистый кабинет для оформления свидетельств о рождении.

Сотрудницей ЗАГСа была девушка с огромной копной начесанных рыжих волос и бросающейся в глаза крупной родинкой на кончике носа. При виде вошедшей она вздернула

от удивления брови.

– Бабуля, а почему ваша дочь сама не пришла оформлять ребенка? – дребезжащим голосом, с явной предвзятостью поинтересовалась регистраторша. Чувствовалась заученная придиричивость служащего бюрократа.

Арьяне Тимофеевне уже перевалило за пятьдесят, и это было заметно. Женщина никогда не пользовалась косметикой. Даже обычный увлажняющий крем для лица был ей чужд. Немудрено, что обильные морщины обрамляли ее глаза и края губ. Она давно перестала носить гимнастерки, но шелушившаяся кожаная черная кепка, такая же куртка-авиатор, строгая кримпленовая юбка и сапоги на голые ноги – выдавали давно ушедший довоенный стиль.

Вместо ответа Арьяна Тимофеевна молча бросила на стол справку, выданную ей в роддоме.

– Так вам сперва удочерить внучку-то надо, – уже сочувственно произнесла работница, прочитав содержимое документа. – Или хотя бы опекунство оформить.

– Сделаем, раз надо! – была уверена посетительница. – Давайте вначале свидетельство о рождении оформим. Значит так, девочку зовут Анна, отчество Тимофеевна, фамилию тоже дадим ей мою. В графе мать и отец прочерк.

Огромный рост директора музея, ее убедительный и непоколебимый голос, видимо, сыграли свою роль. Противоречить ей не посмели.

Воодушевившись успехом, Арьяна Тимофеевна решила

заодно проторить дорожку для второй части своего плана и слегка заискивающе спросила:

– А не подскажите, дорогуша, как можно обменять квартиру? У меня двушка.

Она была готова к тому, что женщина, сидящая напротив, возмутится и станет кричать, что это не ее работа, что этим занимаются совсем другие, соответствующие люди в райисполкоме. Но этого не произошло.

– А где? В каком районе? – отложив бумаги в сторону поинтересовалась сотрудница.

– Здесь. Недалеко. На набережной Правого берега.

– Какой этаж? Дом кирпичный или бетонный?

– Дореволюционной постройки, – Арьяна знала цену своему жилью. – Второй этаж, с лоджией.

– И что хотите получить?

Арьяна поймала себя на мысли, что она абсолютно не продумала этот вопрос. Времени на размышление не оставалось, поэтому она уклончиво ответила:

– Что-нибудь равнозначное. Но главное – подальше отсюда.

– Моя в центре города. Правда, однушка.

– Мне с внучкой будет тесновата.

Сотрудница ЗАГСа встала из-за стола и подойдя к распахнутой двери кабинета, бесшумно закрыла ее. Вернувшись на свое место, она обеими руками взяла Арьяну Тимофеевну за ладонь и тихим голосом, доверительно произнесла:

– Дети – дело хлопотное. На них деньги нужны. А я могу разницу метров наличкой компенсировать.

Арьяна пожалела, что начала этот разговор. Поспешно встав, она пообещала подумать и опрометью бросилась в сторону спасительного выхода.

Вечером того же дня директор музея позвонила своему заместителю. Поинтересовалась, как прошел рабочий день. Едва выслушав его короткий доклад, напрямую спросила:

– Саша, а ты случайно не в курсе, как можно обменять квартиру?

– В городском отделе учета жилья. Там есть обменное бюро. Пользование картотекой стоит один рубль.

– Ничего себе!

– Да, дороговато. На эти деньги неделю на трамвае на работу и обратно ездить можно.

– Да я не про рубль. Откуда у тебя такие познания? Что, пользовался уже?

– Который год пытаюсь разменяться, – тяжело вздохнул собеседник на другом конце телефонной связи. – Я ведь со своей бывшей официально в разводе, но жить и дальше приходится под одной крышей. А это уже незаслуженный ад на земле.

– Так может, сходишь со мной в это бюро?

– Запросто. Я после работы считай что постоянно там околачиваюсь. Все веселее, чем дома.

На следующий день они вдвоем направились в гориспол-

ком. В торце здания, в узком закоулке, у невзрачной обшарпанной дверцы с вывеской «Отдел учета и деления жилплощади» бурлила стихийная квартирная «толкучка». В отличие от настоящей, где продают с рук подержанные или новые, чаще всего дефицитные вещи, товаром здесь была недвижимость. И находилась она вдали от этого зловонного пристанища.

– А получше места и помещения не нашлось? – вслух возмутилась Арьяна Тимофеевна. – Государственное учреждение все же.

– Так-то оно так, да не совсем, – скромно возразил Саша. – Мы же не владельцы наших квартир. Лишь съемщики у государства, которому и так виднее, кому и какое жилье положено. Не рыпайся и молча жди своей очереди. Но нет же, какие-то нетерпеливые выскочки лезут поперек со своими исключительно шкурными желаниями обменяться. Вот нас, как несоциалистический элемент, и спровадили на задворки.

Посетители «толкучки» в руках держали бумажки с текстом, напоминающим математические решения: $1+1=2$; $3=2+1$.

– Гляди, Саша, а что этот за недоучка, – рассмеявшись, директор указала на мужчину с надписью: « $1+1=3$ ».

– Арьяна Тимофеевна, это его желание. Например: « $3=2+1$ » означает, что человек с трехкомнатной квартирой хочет обменяться на двух- и однокомнатную. Нормально и

понятно. Ну, а тот, что с надписью: « $1+1=3$ » вообще-то нелегал. За две однокомнатные он хочет получить трехкомнатную. Как бы за такой обмен срок не схлопотал. Ведь можно догадаться, что он одну комнату деньгами доплатить собирается.

– Мне подобный вариант уже предлагали, – шепотом призналась своему заму директор.

Заплатив положенный рубль и заполнив бланк поиска, Арьяна Тимофеевна записалась в очередь для ознакомления со всей картотекой.

– Ждать не менее недели, – расстроили на прощание.

В первый же день новенькую на толкучке выпотрошили как на допросе. Особо интересовались: квартира в центре или на окраине? Чтобы переехать в центр, следовало соглашаться на меньшую жилплощадь, например: $2+1=2$. У Арьяны Тимофеевны, к сожалению, не было дополнительной однушки. И денег тоже, чтобы доплатить.

Дом из бетона считался низкокачественным. Но тут у директора музея проблем не возникало.

И лишь в последнюю очередь интересовались квадратными метрами, планировкой квартиры, санузлом. Телефон был отдельной темой.

Как правило, квартира Арьяны Тимофеевны очень быстро и легко находила заинтересованных. Но их варианты совсем не подходили бабушке с внучкой: две комнаты в пятикомнатной коммунальной квартире или двухкомнатный дом

с печкой и без водопровода, туалет во дворе, к тому же на окраине города.

Однажды к ней подошел прилично одетый, явно образованный мужчина лет сорока и протянул тетрадный в клетку листок с множеством математических решений. Уверенно произнес:

– У меня к вам подходящее предложение. Я тут прикинул. Если вы обменяетесь вон с тем мужчиной, который с зонтом, а я свою квартиру поменяю на домик той бабушки с прической учительницы, то мы сможем удовлетворить желание одного старика-профессора. Его сейчас здесь нет. Он сегодня не пришел. А уже потом мы его особняк легко разменяем на две хорошие двухкомнатные в центре города. Что думаете?

– Извините, у меня от ваших расчетов голова разболелась, – честно призналась Арьяна Тимофеевна. – Поговорим в другой раз.

Перед сном она набрала номер телефона Саши и, смеясь, рассказала ему о предложенном ей пятикратном варианте обмена:

– Вот людям больше заняться нечем. Напридумают же.

Но ее заместитель не увидел в этом ничего смешного.

– А что, ведь может и получиться. Сами видите, что по картотеке в бюро практически ноль шансов. К тому же этот инспектор по обмену постоянно палки в колеса вставляет. Ему везде мерещится нелегальная доплата, придирается к каждому сантиметру площади: то меньше, то больше поло-

женных 6 квадратов на прописанного жильца. Знает же, паразит, что без его подписи нельзя оформить обмен.

– Так у него должность такая, плюс ответственность, – попыталась умиротворить Арьяна Тимофеевна.

– Взяточник он и шарлатан...

У бабушки-одиночки тут же возник новый план, и она мысленно решила: «Раз уж мимо инспектора никак не пройти, то лучше с него и начать».

Буквально следующим днем, подкараулив уполномоченного на входе в здание горисполкома, заслоним своими габаритами проем двери, Арьяна Тимофеевна как автомат очередь выдала:

– У меня ребенок из дома малютки и мне необходимо срочно избавиться от любознательных соседей. Меняю отличную, дореволюционной постройки двухкомнатную квартиру.

Инспектор сквозь очки изучающе посмотрел на посетительницу и сухо предложил:

– Зайдите. Поговорим.

К удивлению, Арьяны Тимофеевны, ее заявка на обмен отсутствовала в картотеке.

– Ну как же? Я ведь и рубль заплатила, – недоумевала она.

– Бывает, – почему-то снисходительно улыбнулся инспектор. – Может, затерялась или кто из посетителей с собой прихватил. Попробуйте тут за всеми уследить. Но не в этом суть. Вы говорили, что желаете двушку обменять?

– Да! И надо бы побыстрей.

– Сложная задачка, – инспектор встал и аккуратно закрыл двойные створки дверей кабинета. Вернулся за свой рабочий стол и, как бы в поиске ответа, стал небрежно перебирать лежащие на столе бумаги...

Директор музея застыла в ожидании решения.

Прошло несколько минут, прежде чем начальник бюро обмена своим завораживающим взглядом удава сквозь очки вновь посмотрел в лицо посетительницы и тихо, доверительным тоном, произнес:

– Придется жертвовать.

– Чем? – насторожилась Арьяна Тимофеевна.

– Мне моим рабочим временем, а вам метражом.

– И насколько?

– Могу предложить только однокомнатные варианты.

– С доплатой?

– Чего? – инспектор даже вскочил от негодования. – Что за базар вы мне тут устраиваете? Здесь государственное учреждение.

Директор музея тут же пожалела, что согласилась на эту встречу. Поспешно встав, она дипломатично пообещала обдумать предложение и опрометью бросилась в сторону спасительного выхода...

– Дорогуша, вы меня помните? – чувствовалось заискивание в голосе Арьяны Тимофеевны. – Можно войти?

Сотрудница ЗАГСа вскочила из-за стола и радушно, как хорошую давнюю знакомую, приветствовала посетительницу. Предложила ей сесть. Сама же, выглянув в длинный коридор учреждения, посмотрела по сторонам и аккуратно закрыла двери кабинета.

– Как здоровье внученьки? – сочла нужным поинтересоваться регистраторша. – Или правильнее будет сказать – дочки?

– Нет, мне посоветовали оформить лишь опеку.

– Чем могу быть вам полезна? – от нетерпения хозяйка кабинета склонилась над столом в сторону посетительницы.

Оглянувшись, как бы убеждаясь, что они одни в комнате, Арьяна Тимофеевна полупрошептом заявила:

– Я готова рассмотреть ваше предложение. С доплатой.

– Несомненно.

– Только у меня тут конфуз произошел.

– Что такое? – насторожилась пока еще владелица однушки в центре города.

– Я была у инспектора отдела учета жилплощади и не согласилась с его вариантом. Как бы он нам палки в колеса при оформлении обмена не вставил.

Сотрудница ЗАГСа рассмеялась и облегченно откинулась на спинку стула.

– Об этом даже не переживайте. У меня к нему свой ключик имеется...

Так Арьяна Тимофеевна с Аней переехали из просторной, обставленной чуть ли не антикварной мебелью двухкомнатной квартиры с лоджией в маленькую и без балкона запущенную однушку. К тому же на первом этаже, с окнами на проезжую улицу. С укромного, насыщенного по весне запахами цветущих лип переулка набережной Правого берега Невы в шумный и многолюдный, запруженный туристами, полностью заасфальтированный центр Ленинграда...

Аня выросла в нескольких минутах ходьбы от знаменитого, но несуществующего на официальных картах перекрестка Пяти углов. Там, где Загородный проспект и улицы Ломоносова, Разъезжая и Рубинштейна формируют небольшую пятилучевую площадку. У Владимира Высоцкого в откровенно хулиганской песне так упоминается это перепутье:

В Ленинграде-городе у Пяти Углов

Получил по морде Саня Соколов...

Арьяна Тимофеевна быстро смирилась с неравным обменом жилья и даже нашла в новом свои преимущества: театры, музеи и галереи – до всего этого здесь было, так сказать, рукой подать. Ведь профессиональное будущее внучке бабушка уже тоже предредила. Аня окончит исторический факультет ЛГУ по специальности «искусство- и музееведе-

ние».

Выпускница вуза была высокой, стройной и, должно быть, достаточно красивой девушкой. Но Арьяна Тимофеевна явно и всеми силами пыталась это закамуфлировать. Чуть ли не с дошкольного возраста бабушка осознанно заставляла внучку носить все «на вырост». Одевалась Аня под стать своей бабушке, которой, как любила выражаться внучка, «было сто пятьсот лет». Просторная сатиновая, чаще всего черного цвета, викторианского стиля закрытая блуза с воротником-стойкой, или с оборками, или с жабо; строгая, обязательно ниже колен юбка; высокие, чем-то похожие на охотничьи, ботинки. На фоне сверстниц, одевающихся в стиле 80-х, Анна выглядела музейным экспонатом. Ничто в ней даже близко не напоминало типичную для этих лет моду – «женская мужественность» – с характерными подплечниками, косухами¹, облегающими джинсами или цветными лосинами.

Брюки вообще были под строжайшим запретом. На субботники или на уборку картофеля в подшефных колхозах Аня единственная из всех студенток надевала поверх свитера сарафан и под низ натягивала гамаши.

Арьяна Тимофеевна очень боялась, что внучка, как и когда-то ее мать – длинноногая красавица Муся, слишком рано станет привлекать к себе взгляды мужчин.

– С вами, Арьяна Тимофеевна, остается лишь с вожде-

¹ Косуха – косо вшитая молния.

нием мечтать однажды оказаться на месте кавказской пленницы, – не в шутку сетовала зрелая девушка.

Надо заметить, что только на «вы» и исключительно по имени и отчеству разрешалось внучке обращаться к бабушке. Арьяна Тимофеевна всегда утверждала, что Анечка ей чужой человек. Данную когда-то клятву она неуклонно соблюдала.

– Из ниоткуда! – именно так, еще в раннем детстве, пояснили девочке тайну ее появления на свет. – Однажды утром, в одном роддоме, ты оказалась лишней по счету.

– Меня подкинули?

– Нет конечно. Говорю же – ночью записали семь новорожденных, а утром их оказалось восемь. Медсестры что-то перепутали, а чей именно ты ребенок – определить было уже невозможно. Мне пришлось оформить на тебя опеку.

– Откуда вы, Арьяна Тимофеевна, все это знаете?

– Так я и была виновной. Подрабатывала там. Сама знаешь, какие у искусствоведов зарплаты...

«Мне бы вас за это ненавидеть», – не раз потом про себя рассуждала Анна. Но что-то не позволяло ей этого сделать. Видимо, подкупило чистосердечное признание Арьяной Тимофеевны своей вины, раскаяние и взятие на себя ответственности за совершенную ошибку. В таких случаях обычно принято прощать!

По вине Арьяны Тимофеевны девушка засиделась и в невестах. Мало кто из мужчин обращал внимание на «ба-

бушкину модницу». Но это не мешало Anne лелеять свою хрустальную мечту.

В редкие моменты раскрепощения, когда они вдвоем на загородной семейной даче ее единственной подруги, вдоволь накупавшись и попарившись в бане, тайно наряжались в легкое кружевное negligé матери приятельницы, чрезмерно красили губы и обильно подводили тушью глаза, курили сигареты и пили дешевое вино, Аня могла себе позволить в открытую помечтать о красивой и яркой замужней жизни. Где у нее будет богатый супруг, способный удовлетворить любой ее каприз.

– Милостивый сударь, а не заказать ли нам на выходные карету у Париз. Плиз! – вслух грезилa Анна. При этом на ее лице появлялась гримаса заносчивой мадемуазель, она делала однократный пируэт и застывала в низком реверансе.

Шутки шутками, но этому будет суждено однажды сбыться. Можно смело сказать, что Anne подфартило. В тот день она возвращалась от подруги на попутной машине. За рулем морковно-апельсинового цвета 412-го москвича сидел мужчина лет тридцати пяти. Полноватый, помятый, с очень неровными полугнилыми зубами, но в то же время на показ излишне самодовольный тип.

– Можешь называть меня Володя, – предложил шофер едва успевшей усесться с ним рядом пассажирке.

Вообще-то, в попутках Анна старалась садиться на заднее сиденье. Так сказать, от шаловливых рук и греха подальше.

Но в москвиче оно оказалось под потолок завалено каким-то хламом.

– Аня, – кротко представилась пассажирка, почему-то назвав незнакомому человеку свое настоящее имя. Обычно она придумывала себе ложное.

– У меня своя автомойка на Литейном проспекте, – похвастался Владимир. – Первая частная в Ленинграде. Правда, круто?

Молодая женщина лишь пожала плечами. Ее сейчас больше волновал вопрос: начнет ли он приставать и какую цену загнет за проезд?

Владимиру понравилась скромная и молчаливая попутчица. Он даже отказался взять рубль, которым она хотела заплатить ему за проезд.

Дальше больше! Случайный знакомый стал искать с Анной встреч. Поутру поджидал ее у подъезда, предлагая подбросить до работы. Вечерами караулил, пока она не возвратится домой. Вначале это пугало. Но первый букет цветов, потом шоколадка и флакончик духов смягчили ее сердце. Анна уже соглашалась, чтобы Владимир подвозил ее к музею и после рабочей смены отвозил домой.

В свободное время они ходили в кино или ужинали в ресторанах. Анна давно уже поняла, что ее мужчина не из тех, с кем можно было рассуждать об искусстве и высоких материях. Практически всегда говорил Владимир. Шумно и беззастенчиво поносил своих жадных клиентов и недавно появив-

шихся наглых и бездарных конкурентов. Девушке приходилось молча все это выслушивать. Она уже знала, что после такого выступления Владимир, в знак своего преимущества перед всем этим, как он любил выражаться, «быдлом», делает ей очередной подарок. Так у нее появились многочисленные колечки и браслетики, золотая цепочка, электронные часы, джинсовая куртка и кепка-берет из натуральной кожи.

Через год Анна сменила свою девичью фамилию на Куршская. А спустя некоторое время и ту пришлось поменять. Еще не успела толком высохнуть краска печати на их свидетельстве о бракосочетании, как Владимир признался супруге:

– Прикинь, мой батя, оказывается, самый настоящий немец. Всю жизнь от нас скрывал.

Вскоре они подали заявление на выезд в ФРГ. Новоиспеченная сноха была в шоке, услышав, как ее свекор, Иван Иванович Куршский, в германском посольстве свободно заговорил на немецком языке. Отец мужа признался консулу, что он из числа так называемых *Wolfskinder* – «волчьи дети гитлерюгенд», долго скрывающихся после окончания войны в прибалтийских лесах.

– На самом деле я Адольф Шпрайтенбах, – закончил свой рассказ Иван Иванович.

Пришлось всем в семье менять фамилию...

Канарское авокадо

Анна недолго писалась Шпрайтенбах. Через пару лет жизни в Германии супруги развелись. Решающую роль при этом сыграло полное отсутствие любви. Хотя явно это была не единственная причина. Ведь буквально через полгода женщина вновь вышла замуж. За слегка уродливого, старого, бездетного, но очень богатого вдовца, местного бюргера Ахима Вайса.

– Нашла себе мужа в возрасте дедушки, – съязвил на прощание бывший.

Ее расчет был двойного характера. Обеспечить свою жизнь и перетащить в Германию с недавних пор часто хворающую Арьяну Тимофеевну. Пусть бабушка всегда и утверждала, что она Анне никто, совсем чужой человек, но их обоюдно тяготила разлука. Обе неустанно искали возможность воссоединиться.

– Нам нужны деньги, – по международной связи часто рассуждала Анна. – Много денег.

Арьяна Тимофеевна молчала в ответ, лишь скрежеща от злости парой оставшихся зубов. Она боялась признаться...

Их семья в Ленинграде жила очень скромно. Ни одеждой, ни яствами бабушка никогда не баловала внучку. А ведь могла! Деньги-то у нее всегда имелись.

Более тридцати лет назад Арьяна Тимофеевна при обме-

не двушки на однокомнатную квартиру получила от сотрудницы ЗАГСа очень даже приличную доплату. Все эти годы сумма нетронутой пролежала на сберкнижке. Даже солидные проценты успели набежать. Но грянули лихие 90-е. Цены подскочили в разы. Инфляция исчислялась сотнями процентов. В одночасье практически все сбережения россиян просто обнулились. Арьяна Тимофеевна тоже осталась ни с чем.

– И зачем только я держала себя и Анечку в черном теле? – не находила ответа разоренная. – Доживать-то все равно придется с вошью в кармане да блохой на аркане.

После очередного телефонного разговора с внучкой, сидя на кухне, пожилая женщина достала из-под скатерти стола сложенный листок тетради в клетку. На нем крупно была написана единственная цифра и множество нулей. Все квартиры верхних этажей их подъезда уже принадлежали успешному владельцу хостела. Мечтающему о полноценной гостинице соседу не хватало только лишь однушки Арьяны Тимофеевны, на входе, с окнами на проезжую часть. Это могла быть идеальная ресепшен. Бизнесмен готов был заплатить за нее практически любую цену.

Арьяна Тимофеевна согласилась. При условии, что до переезда в Германию ей разрешат жить в маленькой комнатушке верхнего этажа гостиницы (там раньше была кухня трехкомнатной квартиры) с коммунальным туалетом и душем. Даже после революции начала века, в довоенные и в тяжкие

послевоенные годы Арьяна Тимофеевна жила намного привольней, чем во времена, сменившие советскую перестройку рыночной действительности. Зато у нее появились деньги для переезда в Германию. Хотя они же и добавили головную боль. Где и как их хранить до отъезда? Ведь инфляция по-прежнему пожирала любые сбережения.

В то время у людей не сходило с языка выражение «Мавроди». Рекламу его финансовой пирамиды «МММ» бесконечно показывали на всех каналах телевидения, круглосуточно передавали по радио. Улицы и проспекты, к тому времени из Ленинграда в Санкт Петербург переименованном городе, заполнили баннеры с изображением советского червонца, где вместо образа Ленина в центре был помещен портрет Сергея Мавроди. Даже старушки, завсегда там сквера вблизи их дома, ежедневно кормящие там голубей, молились на него как на господина-спасителя.

Арьяна Тимофеевна на всю вырученную от продажи квартиры сумму приобрела акции Мавроди. Но вот напасть, в одночасье рухнула вся пирамида «МММ», а с ней плакали и денежки вкладчиков.

Беда не приходит в одиночку. Вскоре и хозяин гостиницы нарушил их устный договор и потребовал от Арьяны Тимофеевны освободить комнатку под чердаком. В старческом возрасте она оказалась на улице. Не зная, куда ей теперь податься, в каком-то предсумасшедшем состоянии, ноги как-то сами привели пенсионерку к дверям их бывшей квартиры

на Правом берегу Невы. По дороге она успела все-таки здраво подметить, что магистраль переименовали в Октябрьскую набережную.

Моросил противный дождь, и дул сильный ветер. На скамейке у подъезда не было ни души.

– Поди от непогоды все попрятались, – пробормотала себе под нос Арьяна Тимофеевна. – Есть все-таки и на неугомонных сплетниц хоть какая да управа.

Почему-то лишь на входе в дом Арьяне Тимофеевне стало зябко, и она, вздрогнув, подняла узкий воротник потрепанной временем черной кожаной куртки.

Дверь квартиры открыла пожилая, чуть сгорбленная женщина, с головой укутанная в огромный плед. Лишь крупная родинка на кончике носа выдавала в ней некогда молодую, с огромной начесанной копной рыжих волос сотрудницу ЗАГСа.

– Дорогуша, вы меня помните?

– Конечно, – признала и явно была рада гостье хозяйка квартиры. – Простите, но я запомню вас, как вас величать.

– Арьяна. Можно на ты и без отчества.

– А я на днях овдовела, – сочла уместным с порога пожаловаться хозяйка квартиры. – Одна-одинешенька осталась на этом свете.

– Соболезную!

– Угу, – глухо, себе под нос пробормотала вдова.

Выдержав минуту молчания, она вдруг спохватилась и,

всплеснув руками, да так, что с ее плеч слетел плед, приветливо воскликнула:

– Да что мы в дверях-то. Арьяна, ты проходи. Продрогла поди. Сейчас чайку заварим...

Так, спустя чуть меньше, чем тридцать лет, дочь Кожевниковых вернулась в стены родного дома...

Анне она никогда об этом не расскажет. Иначе тогда пришлось бы раскрыть и сокровенную тайну позорного треугольника: Арьяны, Алексея и Людмилы.

По натуре очень семейному бюргеру Ахиму Вайсу легко удалось получить документы и перевезти бабушку своей новоиспеченной русской супруги в Германию.

Дело в том, что в неуклонно и давно уже стареющей Германии уход за пожилыми людьми – практически нерешаемая проблема. В этом плане правительство пошло на отчаянный шаг и наряду с очень востребованными специалистами в области высоких технологий и цифровой трансформации разрешило нанимать из-за границы обычных няnek и сиделок. Этим гастарбайтерам чуть ли не автоматически давался статус гражданина страны.

Теоретически, по документам, семидесятипятилетняя Арьяна Тимофеевна должна была ухаживать за сверстником

Ахимом. В реальности все получилось совсем наоборот. После переезда в Германию сиделка неожиданно заболела и угасла в считанные дни...

Господин Вайс души не чаял в молодой супруге, годящейся ему во внучки. Баловал ее. Возил отдыхать в самые известные среди изысканного society² места: в тот же Париж или Монако. В одной из таких поездок Анну и настигло сообщение о внезапной смерти Арьяны Тимофеевны.

Можно смело утверждать, что жизнь у Анны сложилась. Госпожа Вайс была обеспечена на всю жизнь. Ей теперь не о чем было беспокоиться. Но людям искусства очень часто, как воздух и вода, необходим способ для самовыражения. Появившаяся вначале лишь как прихоть, эта потребность вскоре переросла в жгучее желание найти любую возможность показать себя окружающему миру, быть значимым или хотя бы полезным.

– Хочу устроиться по специальности, – поставила перед собой цель засидевшаяся без дела искусствовед.

И тут тоже помог супруг – его фрау приняли преподавателем рисования в школу для детей с отстающим развитием...

Теперь госпожа Вайс имела действительно абсолютно все для полноценной жизни. Стремиться было больше не к чему. Шли годы. Каждый день был практически как две капли воды похож на другой. Анна много курила и часто выпивала. Любила поесть. Не удивительно, что в канун своего пятиде-

² Society (анг.) – общество

сятилетия женщина весила более ста килограммов.

Ей совсем не хотелось праздновать этот юбилей.

– Хочешь, я подарю тебе морской круиз? – предложил было муж.

– Только не это! – поспешно отмахнулась жена. – Я там от скуки за борт корабля выброшусь.

– А что бы ты желала?

– В том-то и дилемма, – задумчиво произнесла Анна.

Вопрос оказался еще и назойливым. Она думала об этом, когда ложилась спать. Вставала утром с той же мыслью. Но ответ заставил себя ждать...

Свой день рождения Анна отметила вдвоем с супругом в фешенебельном ресторане. Ахим превзошел сам себя. Вместо когда-то предложенного круиза по Средиземноморью он подарил своей фрау кругосветное путешествие.

Именинница молча приняла презент. Открыв яркий цветной буклет с заголовком Queen Victoria, она через строчку пробежала по расписанию вояжа вокруг земли. С ее губ чуть слышно слетали отдельные названия:

– Англия, Бермудские острова, США, Панамский канал, Гонолулу, Западное Самоа, Австралия, Папуа-Новая Гвинея, Гонконг, Маврикий, Канарские острова и снова английский Лондон.

Анна, как и наверняка каждый из нас, еще в детстве мечтала отправиться в путешествие вокруг света. Пройти этот путь вслед за Магелланом, Элькамо, Крузенштерном и

Лисянским. Преодолеть тысячи километров, воспользовавшись всеми видами транспорта: широкофюзеляжный самолет, реактивный бизнес-джет и аэростат; многоэтажный морской лайнер, модернизированный, скопированный под пиратский, фрегат, яхту и катамаран; не в последнюю очередь поезд – более старый вид транспорта, но способный не только переместить тебя из точки А в точку Б, но и стать самостоятельным приключением.

В студенческие годы она мечтала открыть для себя новые неизведанные земли: хоть раз в жизни увидеть своими глазами древнейшие буддийские храмы, воочию убедиться в существовании таинственных рисунков Наска и наяву притронуться к многовековым каменным глыбам потерянного города инков. Белоснежные пляжи дивных тропических островов, фотографии которых в первую очередь рекламировали любой кругосветный тур, менее всего интересовали нашу героиню.

Когда-то ей действительно этого хотелось. Но теперь это желание прошло. Мечты с годами улетучились.

– Я думал, было бы знаменательно, как герои романа Жюль Верна, объехать мир за 80 дней, – неожиданно и очень возбужденно для своего возраста разоткровенничался Ахим. – Но чтобы всех удивить, я спланировал твое путешествие на 79 дней. Что скажешь?

– Галопом по Европам? Пролететь фанерой над Парижем? – ровные линии губ Анны покосились в усмешке.

– Это же на русском, – ничего не понимая, отмахнулся немецкий супруг и продолжил заученную рекламную речь. – Сегодня ты на Карибах. Пройдет немного времени, и ты увидишь Рио-де-Жанейро. На следующий день окажешься в Буэнос-Айресе. Не передать словами восхитительные пляжи и изумрудные поля, живописные холмы и горные реки божественного острова Бали. Посещение Императорского дворца в Токио, храмов Тодай-дзи со статуей Великого Будды, славящегося тремя золотыми залами Кофуку-дзи и синтоистского святилища Касуга-тайся. А как тебе Священная Долина Инков, Мачу-Пикчу и Куско?

– Остановись, Ахим, – неожиданно прервала говорящего именинница. – Я же просила тебя не дарить мне этого.

Господин Вайс растерянно осмотрелся, недоуменно пожал плечами и, окончательно войдя в азарт, с пеной у рта продолжил:

– Так то был разговор о круизе по Средиземноморью. А я дарю тебе путешествие по всем пяти континентам. Это совсем другой масштаб! И самое главное: тебе ни о чем не надо беспокоиться. Багаж, переезды и все остальное за тебя сделает круизная компания. Ты только наслаждайся путешествием.

Противоречить супругу было бесполезно. Анна слегка приподнялась со стула и, дотянувшись через столик, коротко чмокнула Ахима в старческую щеку...

На следующий день, бесцельно бродя по центру города,

в одиноко расположившемся посреди площади овощном киоске она обратила внимание на два одинаковых в названии, но различных по форме и величине фрукта. Ярко-зеленый, круглый, размером с голову ребенка, доминиканский авокадо выглядел великаном по сравнению с темно-коричневым, местами черным, по форме и размеру похожим на грушу – канарским бедным родственником. Анна приобрела каждого по штуке.

Ей больше понравился канарский. Подкупил интенсивный ореховый вкус и легкая горчинка. Доминиканское авокадо показалась почти безвкусным и чересчур водянистым.

Так получилась, что в течение последних суток Анне второй раз попало на глаза слово «канарские». От любопытства, а скорее от скуки, Анна загуглила его. Компьютер тут же выдал солидное количество ссылок, ведущих на различные сайты с информацией о неизвестном ей донныне уголке планеты под названием Канары или Канарский архипелаг, расположенный в Атлантическом океане, сто километров западнее берегов африканских стран Марокко и Демократической республики Сахара.

Пытаясь узнать как можно больше об истории и географии семи Канарских островов, Анна включила функцию «перевести на русский». Испанский она не знала.

На каком-то этапе поиска ее внимание привлекло информационное оконце соцсети «Все свои на Канарах». Это было название группы русскоговорящих жителей архипелага. Ан-

на зарегистрировалась в ней, не подозревая, насколько радикально это изменит ее жизнь...

Очень быстро из всех трех тысяч участников группы Анну заинтересовала самонареченная «королева пещер». Громкий ранг и возраст не вязались с ее простым именем – Люся. Но именно и только так просила себя называть «королева».

В противовес многим женщинам, Люся открыто и без сожаления говорила о своих шестидесяти шести. На фоне доминирующих в группе чисто купи-продай объявлений, ее публикации носили поучительный и развлекательный характер. С юмором и в красках, а еще больше с материнской любовью и переживаниями «королева пещер» описывала быт и жизнь таких же, как и она сама – «уставших от реалий и отвернувшихся от цивилизации людей». Большинству из нас они знакомы как «хиппи» и «дети цветов».

В один миг Анна была покорена простотой и рационализмом философии этой женщины. Не удержалась и написала ей свое восхищение.

Не сразу – Анна даже успела обидеться за это, – но королева Люся все же нашла время на ответ. И было в ее послании столько радости и теплоты, что наверняка обе, умиляясь, плакали: и та, кто написала; и та, кто это потом читала. Они обменялись номерами телефонов и могли теперь часами, как лучшие подруги, ненасытно часто и долго общаться друг с другом.

В одном из таких разговоров Люся пригласила Анну к себе в гости. Обещала ей отменный отдых и незабываемые впечатления...

Кругосветное путешествие пришлось отменить.

– Умом вас, русских, не понять! – был краток старик Ахим.

Вместо кругосветки фрау Вайс решила лететь на Канарские острова. С одним лишь рюкзаком за спиной. Королева настоятельно советовала:

– Вечерние платья и туфельки тебе здесь точно не пригодятся. У меня даже шифоньера для них нет. Пару джинсов, куртку и удобные для гор ботинки. Это самые необходимые вещи. Ну и сменное белье, купальник. Хотя тут большинство голыми загорают. И не только на пляже. Умудряются по горам лазить с обнаженными титьками и бубенцами...

Пройдя регистрацию и досмотр, сидя с бокалом холодного пива за столиком аэропортового кафе, Анну вдруг охватили сомнения и даже легкий страх. Оно и понятно – ведь она летела в не известную ей донныне страну, по большому счету, к случайной знакомой.

Что вообще она знала о королеве пещер? Лишь черты ее характера: очень эрудированная, думающая, умеющая выслушать и дать полезный совет. Общение с такими людьми всегда умиротворяет.

– Из нее мог бы получиться хороший психотерапевт, – была уверена Анна.

Люся четыре раза выходила замуж. Ни разу не оформляя брак официально. Ее первый мужчина титуловал себя свободным художником. Он и семнадцатилетнюю гражданскую супругу в свое время обучил этому ремеслу. Договорившись с боцманом торгового корабля, следующего из Одессы в дружественную Кубу, они в преддверии горбачевской перестройки сбежали за границу. Десять суток позже, едва их судно причалило в порту одного из канарских островов, выбравшись за борт сквозь иллюминатор, парочка вплавь, в обход ограждений и охраны, добралась до берега.

Давно застывшая на поверхности острова вулканическая лава, как сычужный швейцарский сыр, усыпана многочисленными естественными пещерами. Местные жители часто используют их как погребя или лагерь.

В одной из них, недалеко от пляжа, беглые одесситы нашли себе приют. Высокому и широкоплечему партнеру, как и длинноногой Люсе, внутри пещеры постоянно приходилось чуть ли не напололам сгибаться.

К этому времени Люся забеременела.

Первое время парочка подрабатывала тем, что на пляжах и променадах рисовали портреты и карикатуры туристов. Это было выгодное, но опасное дело. В любой момент их могли проверить полицейские. В конечном счете так и случилось. Люся успела скрыться в прибрежных кустах. А ринувшего на блюстителей порядка супруга арестовали. Никогда больше она не увидит своего первого мужчину.

В тот же вечер, боясь преследования, Люся впопыхах собрала их нехитрый домашний скарб и поспешила скрыться в глубине острова. Там тоже было предостаточно пещер. На верхней части одной невысокой скалы их расположилось сразу пять. Люся выбрала ту, что находилась выше всех.

– Отсюда, как на ладони, будет просматриваться вся округа, – бормотала она, поднимаясь по увесистому склону.

На входе в пещеру лишь на одном гвозде, развеваясь по ветру, свисал обрывок шкуры какого-то животного: давно выгоревший на солнце, с остатками длинных волос. Присмотревшись, Люся разглядела, что он держался даже не на металлическом гвозде, а на обломке пожелтевшей кости, формой напоминающей наконечник копья.

Само помещение, к удивлению и радости, оказалось высоким и просторным.

– Не то что предыдущая нора на берегу океана, – оценила женщина, обеими руками придерживая большой живот.

На потемневших от дыма потолке и стенах виднелись следы ручного выравнивания поверхности и просматривались штрихи выцветших рисунков. Особенно бросалась в глаза белая краска, которая даже от легкого прикосновения мгновенно осыпалась. Посреди пещеры располагался из камней кругом выложенный очаг. В нем грудой лежали чьи-то кости. Сомнений не могло и быть – здесь когда-то уже жили люди.

Эта пещера станет Люсе постоянным домом. Здесь она и самостоятельно разродилась. Но ребенок не прожил и дня...

У нее потом будут еще трое сожителей. Но все они сбегут. Не выдержат скудной и непростой жизни отшельников.

– Так что мне суждено доживать свой век в одиночестве, – с искренней грустью признавалась Люся. – Наказание за ошибки моей молодости...

Это все, что Анна знала о своей новой знакомой.

А как внешне выглядит Люся – было полной загадкой. В соцсетях она никогда не публиковала личные фотографии. И даже на просьбу Анны прислать ей снимок, дабы они при встрече могли узнать друг друга, владычица пещер уклончиво отказала:

– На остановке будет уйма народу, ты меня все равно не разглядишь. Так что и не пытайся. А вот я своим зорким оком жительницы диких гор тебя точно вычислю.

И все же Анна попыталась представить себе обличье новой подруги. Фантазия профессионального искусствоведа так очертила Люсину внешность: судя по голосу – маленького роста, хрупкого телосложения, с открытым и доброжелательным, излучающим святость лицом, обрамленным распущенными, как у вещуньи, редкими седыми волосами. Одевание из льняной серой ткани. Даже обувь из того же материала. Через плечо холщовая сума, а в руках длинный посох, придающий ей облик странствующего человека...

Поднявшийся лайнер еще не успел набрать запланированную высоту полета, как уже оказался в воздушном пространстве соседнего государства. Такая вот небольшая страна Гер-

мания, а город Нюрнберг, в котором жила семья Вайс, к тому же расположен недалеко от ее южной границы.

Стюардесса – звучит гордо и очень красиво. Каждый из нас при этом представляет себе людей, приятных во всех отношениях: миловидная внешность, обаятельные манеры, грамотная речь. На заре эры авиасообщений в бортпроводники брали исключительно молодых незамужних девушек, вес которых не превышал 52 кг. Красавицы мало весили и не создавали перегруз самолета.

В лоукостерах, вероятно, все, наоборот.

Как по команде, с носа и с хвоста салона проходы самолета заполнили бортпроводники. Разношерстные по возрасту, росту и фигуре, неопрятные, в невыглаженной униформе, с растрепанными прическами стюардессы, тяжело топая по проходу каблуками плохо державшихся на ступнях разношенных туфель, постоянно натыкаясь колесами гремящих тележек на сиденья и ноги пассажиров, спешили раздать детских размеров подносы с завтраком. При этом они распределяли их согласно списку, часто заглядывая в лист бумаги, сравнивая номера сидений и во всеуслышание выкрикивая фамилию пассажира. Некоторым из «граждан улетающих» приходилось доплачивать за еду. Анну это сильно удивило. Она впервые летела в эконом-классе.

– Ты там глаза квадратные не делай, – только теперь до нее дошел смысл слов, сказанных ей Ахимом на прощание в аэропорту. Супруг знал, что говорит.

Фрау Вайс в этот раз осталась без завтрака. ЭСО-тариф пассажиров с рюкзаком не включал в себя этот сервис. Анна, любившая покушать и перекусить, могла бы и заплатить положенные 15 евро, но ее портмоне лежало в боковом кармашке ранца, а сам он был на верхней закрытой полке. Обслуживающий персонал сейчас заполнял своими телами и тележками единственный проход салона самолета. Лезть за деньгами по головам рядом сидящих пассажиров тоже было неприлично.

«Перетерплю», – решила Анна, вежливо отказавшись от завтрака.

Через пару минут она несказанно обрадовалась этому. Небольшое пространство между потолком, спинками сидений и голов пассажиров вмиг захлестнул зловонный запах яичного омлета. Краем глаза Анна заметила на подносе у соседки палевого цвета блюдо в фольгированной касалетке и поспешила отвернуться в сторону иллюминатора.

Уже светало. Небо было безоблачным. Отличная видимость. Под ними чередой проплывали горные хребты. Должно быть, очень высокие. В мае их вершины все еще обильно покрывал слой снега. Монитор, встроенный в спинку переднего сиденья, давал подсказку: «Альпы – с самой высокой горой Монблан, зубчатые пики известных Церматта и Маттерхорна, величественно возвышающаяся над озерами центральной Швейцарии гора Пилатус и ледник Титлис».

Чуть позже их самолет пересек местами тоже заснежен-

ный, сливающийся с горизонтом длинный горный хребет.

«Пиренеи», – высветилось на экране. Горная цепь растянулась от Кантабрийского до Средиземного моря, образуя естественную границу между Францией и Испанией. Большинство названий гор этой гряды начиналось с одинакового «Сьерра-де». Анна быстро потеряла к ним интерес.

Через пару часов, на полпути, самолет покинул материковую часть и теперь бороздил воздушное пространство над необъятным Атлантическим океаном. Эту информацию можно было почерпнуть только лишь из маршрута полета на мигающем экране. А вот за стеклом иллюминатора это необозримое водное пространство и в упор не видно было. Ни одной кипучей волны, ни сантиметра синей глади и ни капельки воды. Лишь голубое небо, яркое солнце и безграничное покрывало из белоснежных облаков.

Однообразие успокаивало и навевало сон. Наша пассажирка задремала.

Проснулась фрау Вайс от резкого и неприятного шума в динамике громкоговорителя. На плохом английском стюардесса шипяще сообщала о том, что самолет начал снижать высоту и идет на посадку.

Анна выглянула в окно и обомлела. Под ними, из ниоткуда, сквозь покрывало тех самых белых облаков, монументально и величественно возвышался пик давно потухшего вулкана. Скалистый великан, подобно планете Сатурн, в диаметре многих километров был окружен красочными кольца-

ми атмосферной дымки: от терракотового цвета в эпицентре до розового по краям.

– Калима, – произнесла соседка слева, глядя через плечо Анны в иллюминатор. В ее голосе послышалась трепетная нотка.

Фрау Вайс вопросительно взглянула женщине в лицо. Ее удивило, что рядом сидящая блондинка с голубыми глазами, которая всю дорогу со своим супругом разговаривала на чистом немецком языке, вдруг благоговейно произнесла арабскую декларацию веры в ислам. Не положенное среди христиан в таких случаях «О боже!», а исключительно торжественное, что в первую очередь определяет мусульман, слово «Калима»³. На эту тему Анне однажды попался в институте экзаменационный вопрос. Тогда ей выпало пояснить шамаиль «Шахада». Произведение национального искусства казанских татар. Сравнимо с иконописью, только вместо святых лик, с обратной стороны стекла, под которое положена фольга, красками наносятся цитаты из Священного Корана – те самые калимы.

Но спрашивать случайную попутчицу она не решилась. Ей было известно, что немцы, имевшие в своей истории тридцатилетнюю религиозную войну католиков с протестантами, очень неохотно говорят о личном вероисповедании.

Да и времени на обсуждение столь серьезной темы уже не

³ Калима (араб. كَلِمَاتُ التَّوْحِيدِ – «слово», «изречение») – важное понятие в исламе, которое олицетворяет единство и веру мусульман.

оставалось. Самолет начал сбрасывать высоту, заходя на посадку. Как только верхняя кромка облаков достигла уровня иллюминаторов, воздушное судно стало трясти. Анна ужасно боялась турбулентности. Мгновенно зажмурив глаза и мертвой хваткой вцепившись в подлокотники, она застынет в этой позе минимум до тех пор, пока шасси лайнера с шумом не коснутся поверхности посадочной полосы...

Анкор

Безусый Анкор не знал, что это был последний день его жизни. В юном возрасте мало что предвещает смерть.

Он проснулся еще до рассвета. В их племени принято рано вставать. Гуанчи называют себя «детьми солнца», что обязывает их встречать пробуждение родителя, чей свет и тепло прогоняет темноту и холод ночи.

Прихватив из потухшего очага длинный обглоданный мосол, Анкор направился к выходу из пещеры. Отодвинув в сторону висящую над порогом козью шкуру и низко пригнувшись, он испуганно замер на пороге. К его ногам упала ненароком уроненная кость.

Доселе знакомый ему мир сейчас утопал в мутном мареве цвета лишенной свежести и яркости крови. Длинная хвоя густого леса на склоне окружающих гор, как и абсолютно все остальное, находилась под слоем в прах разбитых глиняных горшков. До предела раскаленный воздух, насыщенный той же мелкой красноватой пылью, обдал лицо жаром и обжег ноздри.

Едва не отпрянув в спасительную глубь пещеры, молодой гуанч невольно прикрыл ладонью рот с носом и сквозь пальцы с сокрушением глухо произнес:

– Калима!

Он явно был ошарашен и растерян. Пусть не в диковинку,

но за его короткую жизнь такого рода явления случались не часто. И обязательно в преддверии большой беды...

В последний раз подобный туман, но более интенсивного, почти кровавого цвета, забрал с собой старую чамато⁴, которую мать Анкора называла мамой. Было жутко наблюдать, как женщина, подобно рыбе на суше, беспомощно хватала ртом воздух и рвала на себе пепельные волосы. В тот раз у них еще сдохла половина овец. Их обнаружили в горах с чрезмерно вздутыми животами. Вывалившиеся из пасти посиневшие языки покрывал горшечного цвета песок.

С младенческих лет дети гуанчей с трепетом в голосе лепетали однажды услышанное от взрослых «калима», но настоящее значение этого слова никто не знал. Для малышни калима была ужаснее гуаёта⁵ – живущего на вершине горного пика духа зла. Обычно его именем часто пугали детвору, обещая, что он заберет к себе всех непослушных.

Старейшие племени тоже постоянно путались в своих толкованиях. Даже, кажется, всезнающая мать Анкора, и та призналась, что не знает, когда и откуда это понятие произошло.

– Калима – это душа вулкана, – бывало, поясняла она детям. – Когда она у него болит, он своим скальным дыханием обжигает и затмевает мир. Взывайте к его вершине и просите пощады!

⁴ Chamato (словарь гуанчей) – женщина.

⁵ Guayota (словарь гуанчей) – дух зла.

– Голодная абканабак⁶ опять укусила небесное светило, – по-своему объяснял это явление отец Анкора. – Теперь горячая кровь солнца заливает нас. Надо дожждаться, когда заживет рана.

– Это кровавый буревестник, – говорили другие. – В это время ветер дует именно с той стороны, откуда по большой воде чаще всего приходят гуиёны⁷ черных стервятников. Их речь нам непонятна, но нередко они выкрикивают «кали-ма»...

Анкор поднял упавший мосол и переступил порог пещеры. Едва различимые сквозь песчаную пелену очертания кромки вершин гор постепенно окрашивались в багряный цвет – явный признак рождения нового дня.

Как из ниоткуда, радостно виляя очень массивным у основания и суженным у кончика хвостом, пред Анкором появилась тигровой раскраски огромная собака. Висячие розового цвета соски выдавали в ней кормящую сучку.

– Хара, – хозяин позвал и грубо потрепал псину за жесткую холку. Всунул кость в ее массивную, с развитыми клыками, пасть. С широкой грудью и сильно выгнутыми ребрами, брутального вида абканабак тут же, и опять-таки незаметно, исчезла.

Жилище его матери Мадай располагалось на верхней части невысокой скалы, а пещеры ниже по склону, по одной

⁶ Abcanabac (словарь гуанчей) – собака.

⁷ Guijon. Guyon (словарь гуанчей) – судно, корабли.

на каждого, занимали петуты⁸. У Анкора их было трое. В их племени имелись семьи и с еще большим количеством отцов.

На дне ближайшего широкого и глубокого оврага смутно, но можно было разглядеть выложенное из камня в форме улитки место сбора совета племени – тагорора. Там сейчас готовился к обряду их вождь, на языке гуанчей – менсей. Вот он, почему-то, был единственным петутом в их семье.

Анкор знал, что церемония посвящена ему. Сегодня он перешагнет копьё воина и будет принят в стан взрослых мужчин. От возбуждения по молодому телу юноши пробежала легкая дрожь. И это посреди до крайности раскаленного воздуха.

Он был старшим из пятерых сыновей Мадаи. Великий ростом, под стать своим взрослым сородичам. В определенное время дня, когда высота Анкора соответствовала его тени, в нее рядком – как бусины, один за другим свободно помещались три овна. Да и было с кем сравнивать. Все чужаки, приходившие на остров по большой воде, едва превышали длину двух овец: и те черные – темнее ночи, с кучерявыми, подобно шерсти новорожденного ягненка, волосами на голове; и те бледные, что в звонких, блестящих на солнце одеяниях. После удачных отражений атак пришельцев юный Анкор неоднократно и внимательно рассматривал лежащие на земле бездыханные тела, которые с остатком помещались

⁸ Petut (словарь гуанчей) – отец.

в его личную тень.

Чужеземцы действительно были ниже и слабее, чем гуанчи. Но им помогали боги огня, чьи горячие смертоносные стрелы, извергая клубы дыма, с грохотом, подобным выдоху просыпающегося вулкана, настигали жителей острова еще до того, как пришельцы сходили на берег.

– Глядите в оба, – неустанно предупреждала Мадай своих сыновей, – чтобы двуногие абканабаки не поймали вас.

Тревогу матери можно было понять. Давеча они всей семьей наблюдали за охотой пришельцев на противоположной стороне ущелья. В момент рождения нового дня черные и бледные чужеземцы, почему-то в этот раз вместе, вперемешку, с помощью плетеных накидок – наподобие тех, которыми жители острова ловили на мелководье рыбу, только больших размеров – охотились на едва проснувшихся гуанчей из соседнего племени. Кто сопротивлялся, тех с грохотом пронзали огненные стрелы. Пленных пришельцы уводили живыми на большую деревянную посудину, способную ходить по большой воде.

Никто из единокровцев оттуда больше не вернулся. Менсей был уверен, что чужаки едят людей.

Отныне каждую ночь взрослые мужчины их племени по очереди охраняли мансэ⁹, чтобы при появлении чужеземцев вовремя оповестить своих сородичей....

– Вот получу сегодня копье воина, – гордо и самоуверенно

⁹ Manse (словарь гуанчей) – берег.

рассуждал Анкор, выпуская из загона на выпас их домашний гурт коз и овец. – И при первой же возможности насажу этих двуногих собак, как крабов на кукан.

Он еще не ведал, что уже этой ночью ему предстоит охранять мирный сон соплеменников...

Жители острова старались держаться подальше от большой воды. Они и свои жилища обустраивали вдали от берега, в глубине возвышающихся над окрестностью гор. И это при том, что плавать как амфибии у них могли даже новорожденные. Анкор из любопытства испытал это однажды на младшем братишке. Тот не утонул, и даже больше – во весь рот улыбался под водой. Но почему-то гуанчам запрещалось заходить даже в прибрежное глубоководье. Разве что рыбачить, стоя максимум по пояс в воде.

Бывало, перед сном Мадай рассказывала причину этого запрета:

– Гуанчи означает «дети вулкана». У нашего народа первый отец – солнце. Вторым петутом является вулкан. В разы больше того, что спит сейчас в недрах родного нам Тейде. А третьим родителем всегда была большая вода. Однажды, всем на беду, поссорились вода с вулканом. Огонь и дым затмили первого отца, а волны возмущенного отца воды поглотили нашу обетованную землю. Мало кто остался тогда в живых. Опомнившись и образумившись, отец вулкан спешно возвел новый остров, остров Тамаран¹⁰. А петут вода

¹⁰ Tamagan (словарь гуанчей) – Тамаран – земля храбрых.

как бы из ниоткуда принес сюда остатки наших полумертвых предков, которым рыбы уже успели откусить языки. Похоже, что наш родитель вода таким образом хотел заставить своих потомков молчать и не распространяться о случившемся. Но выжившие придумали новую речь, язык свистов – сильбо гомеро¹¹. Их потомки, как и мы с вами, рождаемся уже с нормальной длиной языка, а вот это сказание мне моя пра-родительница поведала чисто на одних свистах.

Как правило, в такие вечера детвора усыпала под материнское насвистывание колыбельных песен...

В высоком и сильном, светлокожем, с голубыми глазами и копной густых рыжего цвета волос Анкоре все еще жил ребенок. Сторяя от любопытства, часто оглядываясь, он пробрался к самой крайней в скале пятой по счету пещере. С детским трепетом переступил порог своего будущего жилья.

Внутри глубокой куэвы¹² было свежее, чем снаружи. Гуанчи не уставали благодарить отца вулкана, создателя этих нерукотворных жилищ. Днем, когда солнце в забытье беспощадно палило землю и растения – люди спасались в прохладе пещер. А ночью, наоборот, эти норы согревали.

Трое отцов Анкора, вооружившись «когтями дьявола» – черного, блестящего и острого вулканического камня, совместно расширили не только вход в пещеру, но и выровняли ее внутренние стены.

¹¹ Сильбо гомеро – свистящая форма одного из диалектов испанского языка.

¹² Куэва (исп. – Cueva) – пещера.

Мадай собственноручно украсила их рисунками. Черным пеплом потухшего костра, красной кровью зарезанной козы и белого цвета редкой в этих краях почвы она выводила на стенах пещеры замысловатые фигуры, при этом поясняя:

– Тень собаки будет предупреждать Анкора об опасности. Образ черепахи спасет его от голода, когда не будет козьего и овечьего мяса. Очертания кактуса – от хвори.

– Твои рисунки совсем не похожи на то, что должны отображать, – иронично заметил второй по счету петут.

– И это правильно! – с таинственным видом, по-заговорщицки тихо ответила ему супруга. – Так задумано. Никто посторонний не должен знать истинную суть нанесенного здесь защитника-духа. Это сделает нападающих бессильными.

Анкору разрешалось войти в свою пещеру лишь непосредственно перед началом церемонии принятия в мужчины. Но юношеское любопытство оказалось сильнее запрета.

На небольшом, выложенном из мелких валунов возвышении лежало его новое одеяние: гуаюко – набедренная повязка из свисающих бахромой пока еще зеленых листьев финиковой пальмы; капюшонообразная, сшитая из красно-оранжевых козьих шкур накидка. Юноша тут же примерил ее. Длинные и широкие края шатром покрыли его спину и плечи. В стороне от одежды лежали бусы из глины. Каждая бусинка имела другую форму и рисунок. Все это сшила и изготовила своими руками его суженная.

– Рамагуа! – вожделем прошептал Анкор имя избран-

ницы, надевая себе на шею украшение.

Его возлюбленная сейчас находилась далеко в горах, в заточении так называемого моне. Пробираясь сквозь чащу дремучего леса, Анкор каждую неделю носил туда по одной бараньей туше. Ему запрещалось видеть Рамагую, но он знал, что принесенные им жир и мясо с каждым рождением нового дня делают его невесту все краше и краше.

По просьбе матери на обратном пути Анкор обычно срезал с высоких вечнозеленых деревьев охавку вкусно пахнущих веток. Их пряного аромата листья Мадай совала везде и всюду: в супы и жаркое; в настойки для смазывания ран и от других хворей; зашивала под кожу шкур; вешала пучки над входом и на стенах жилищ; во время церемоний на тагароре украшала головы своих соплеменников благоухающими венками из веток этого дерева...

Незадолго до того, как солнце спрячется за горами, несмотря на невероятную жару, все племя собралось вокруг тагорора. Принесли сюда и тела навсегда уснувших сородичей. На вытянутых руках Анкора сейчас лежала мумия его дедушки, предыдущего менсея их племени. Высушенное, обмазанное смесью из овечьего жира, перегнившей сосновой смолы, измельченной пемзы кустарника брессос и непременно магических листьев пахнущего дерева, тело старика было почти невесомым.

– Он легче, чем исхудавшая от кормления щенков Хара, – шепнул Анкор одному из своих отцов.

– Это просто ты стал очень сильным, – похвально ответили ему.

Раздался длинный и глухой звук. Это дул в огромных размеров морскую ракушку менсей. Его помощник ритмично застучал костью по куску сухого дерева. У кого были свободными руки, хлопали в такт. Гуанчи, держа тела умерших над головами, притопывая, водили кругом хоровод. Все быстрее и быстрее...

Внезапно один из танцующих неистово вскрикнул и, уронив мумию, сам упал на каменистую землю. Схватившись за щиколотку, он протяжно взвыл. Анкор слышал подобное от собак. Только этот крик был ужаснее. Перекошенные черты лица и звериный оскал говорили о невыносимой боли. Из разбитого при падении колена ручьем стекала кровь.

Осмотрев увечье, менсей пояснил:

– На камень неудачно наступил. Ступню вывихнул.

Подоспевшая Мадай посыпала рану порошком из измельченных сухих стеблей кактуса. Кровотечение вмиг остановилось. Разведя щепотку того же порошка в воде, она заставила потерпевшего выпить эту смесь. Вытирая губы, он смог тут же подняться на ноги и, прихрамывая, сделал пару шагов.

– Владыка, – дрожащим хриплым голосом промолвил пострадавший. – Как же я сегодня в караул пойду?

– Это не твоя забота. Найдется замена. Хотя бы тот же Анкор. Пусть сразу и докажет, что он уже созревший воин.

Такой поворот не только удивил, но и огорчил юношу. Но

спорить с менсейем он не посмел. Покорно склонив голову и, как его учила мать, величественно произнес:

– Гуая эчей эфияй насетэ саанья! – что у гуанчей означало: «Жизнь позволь прожить, служа тебе!»

Анкор мечтал провести эту ночь рядом с любимой Рамагуой. До свадьбы это запрещалось. Но среди молодых мужчин гуанчей существовало нетрадиционное поверье, что праздничная церемония взросления без телесной близости с женщиной – незавершенный ритуал. Одержимые этим мифом, в ночь после торжества на тагароге юноши искали совокупления. Если не с невестой, то хотя бы с женщиной, которая занималась этим за вознаграждение. В племени это было всем известной тайной.

– Неужели менсей мог такое забыть? – злобно возмущался Анкор, спускаясь с гор к берегу большой воды. В руках он держал копье взрослого воина.

В какой-то момент ему даже пришла мысль, что все было подстроено. На самом деле никто не повредил себе ногу. Просто таким образом менсей решил держать Анкора подальше от своей дочери Рамагуа.

Юноша представил, как, сидя у себя в пещере, что находится под пирамидой умерших предков, отец невесты сейчас довольно ухмыляется. А еще Анкор испугался: что и как станут о нем судачить мужчины племени. Он с ужасом прикрыл лицо ладонью, а горы эхом вторили ему:

– Нет! Такому не бывать.

Песчаная горячая пелена успела за день раствориться. К вечеру посвежело. Анкор дождался темноты и целеустремленно побежал в глубину острова. Мимо пещер родителей. Он даже обрадовался, что его сегодня не сопровождала собака. Хара кормила щенков. Она была бы ему сейчас помехой.

В свете полнолуния миллионы ярких звезд усыпали небо. Юноша быстро и благополучно добрался до спрятанного в горах моне. Скромно постучался в плетеные из грубых листьев пальмы ставни глухо закрытого окна. Тихо позвал:

– Рамагуа!

Он рисковал разбудить женщин, охраняющих моне. Но неудержимое желание заставляла его повторно стучать и звать возлюбленную.

В какой-то момент за плетением окна послышался легкий шорох.

– Рамагуа, – прильнув губами к сухим листьям пальмы прошептал юноша.

– Анкор, – нежный голос невесты заставил его вздрогнуть всем телом. – Ты что здесь делаешь?

– Выйди ко мне! – попросил Анкор, облизывая губы, высушенные от секундного прикосновения к плетеным ставням.

– Это запрещено, ты знаешь.

– Я хочу тебя! – глухим, выходящим из глубины груди, голосом умолял Анкор.

– Ачимаек здесь.

В подтверждение ее слов раздался голос матери невесты:

– Уходи, Анкор! Отцы не одобряют твой поступок. Моя дочь до замужества останется аримагуадой¹³.

Юноша отпрянул от окна. В злобе, упав на колени, он взвыл от досады.

– Иди к себе! – громко напутствовала его мать Рамагуаи...

В эту ночь горы и лес неожиданно покрыло непроницаемым густым воздушным молоком. Анкор не видел даже пальму своей вытянутой руки, так гуанчи называют ладонь. Идти в тумане на ощупь сложно и очень опасно. В любой момент можно сорваться в пропасть. Юноше пришлось остановиться и ждать.

Наконец начало светать. Медленно рассеивался туман. Неожиданно со стороны берега послышались тревожные свист и крики гуанчей, раздался первый грохот огненных стрел пришельцев.

У Анкора похолодело в сердце. Сломая голову он бросился на шум в тумане. Его уже не пугали ни пропасть, ни смерть.

Посреди тагорора, лицом к небу и с распятыми руками, лежал окровавленный менсей. Пещера Мадай и одного отца пустовали. Два других петута даже не успели проснуться – с перерезанными шеями они покоились на ночном ложе. Ни одной живой души вблизи...

Еще крепче сжав копье, юноша перебежками, через гряды утесов поспешил к большой воде. На полпути, остановив-

¹³ Harimaguada (словарь гуанчей) – девственница.

шись на одной из каменных, с крутыми склонами и острыми выступами, глыб, Анкор заметил уже удаляющуюся от берега деревянную посудину пришельцев. Даже если бы он мог взлететь как птица, догнать чужеземцев уже было невозможно.

Сквозь слезы, с невероятной ненавистью и досадой, юноша глядел на уходящих по большой воде похитителей. Ему даже показалось, что на краю их посуды с высоко поднятой рукой стояла Мадай. Мать прощалась с сыном.

За спиной Анкора послышался шорох. Юноша резко обернулся, успев поднять копье для броска. В тот же момент он невольно начал опускаться на колени. К нему подбежала собака и стала жадно облизывать руки и лицо хозяина.

– Хара, Хара, – то и дело повторял Анкор, вытирая льющиеся слезы о шерсть преданной псины. – Одни мы с тобой остались.

В тот же миг, видимо, вспомнив о чем-то важном, Анкор вскочил на ноги и тревожно вскрикнул:

– Рамагуа!

Он сбежал вниз по пологому склону скалы, направляясь в сторону моне, где, ничего не ведая о случившемся, сейчас, должно быть, кушала его невеста. Это было постоянным и единственным занятием девушки на выданье.

– Еще две овцы, и Рамагуа принадлежала бы мне, – как-то обреченно произнес Анкор и почему-то остановился.

На мгновенье он представил себе горестные лица невесты

и ее матери. А в ушах вновь и с большим смыслом прозвучали укоризненные слова:

– Уходи, Анкор! Отцы не одобряют твой поступок...

Юноша вновь поднялся на высокую каменную глыбу. Собака следовала за ним по пятам. Трясаясь от рыданий, угрожая копьём, он стал прогонять ее, громко выкрикивая:

– Пошла вон, Хара! Иди лови птиц и ящериц. У тебя дети. Их надо кормить.

Собака повиновалась и, поджав хвост, скрылась меж валунов.

Анкор решительно приблизился к краю острого выступа. Обеими ладонями взялся за древко копья и прижал его к груди. Лишь на мгновение посмотрел вниз. Дно расщелины под скалой все еще было залито молоком тумана, скрывающего ее действительную глубину.

– Амен¹⁴, – сухими губами обреченно изрек молодой гуанч, задрал к небу голову.

Похоже на то, как это делали огромные черно-белые рыбы на большой воде, юноша подпрыгнул и нырнул в бездну...

¹⁴ Амен (словарь гуанчей) – солнце.

Калима

Такого турбулентного приземления Анне еще не довелось пережить. Ей показалось, что их самолет бесконечно долго и вприпрыжку скакал вниз по ступенькам длиннющей лестницы. Страх был настолько силен, что, в отличие от всех предыдущих полетов, пассажирка осмелилась открыть глаза не как обычно, когда шасси уже коснулись посадочной полосы, а лишь после того, как полностью заглох шум моторов успевшего припарковаться воздушного лайнера.

В салоне горел яркий свет, а за стеклами иллюминатора было достаточно темно. Это очень смутило Анну. Ведь они должны были прилететь в полдень. А здесь почему-то еще не рассвело или уже наступили сумерки.

– Добрый день и добро пожаловать в отпуск, – в динамике громкоговорителя приятным голосом приветствовал пассажиров своего борта пилот. – Местное время одиннадцать часов пятнадцать минут.

– Ну вот, все верно, – вслух размышляла Анна. – Час разницы с Германией. Почему же тогда здесь так темно?

Ей никто не ответил. Засидевшиеся за четыре с половиной часа полета путешественники явно спешили покинуть тесные проемы салона.

При выходе из самолета, едва ступив на трап, Анна

невольно остановилась. Ее лицо обдало жаром, а горячий воздух мгновенно проник внутрь и обжег дыхательные пути. Подобное она испытывала, когда однажды открыла ростер и по неосторожности ее лицо оказалось слишком близко к дверце раскаленной духовки. Женщина сощурилась и автоматически прикрыла руками рот и нос.

Сюрреальная, чуть ли не по-библейски апокалиптическая картина предстала Аниному взору. Ее окружал горячий и сухой, медного цвета туман. Воздух был насыщен густой красноватой пылью, а все предметы, даже поручни трапа самолета, покрыты слоем мелкого терракотового цвета песка. Над зданием аэропорта огромное табло огненно высвечивало +49°C.

– Калима, – раздалось у Анны за спиной. В тот же момент ее обогнала по-арабски закутанная с ног до головы в черную сатиновую абайю¹⁵ пассажирка...

Анна невольно попятилась и чуть не наступила на ногу бортпроводнице.

– Осторожней! – голос стюардессы привел ее в сознание, а ладонь в перчатке за локоть настоятельно подтолкнула вперед, к ступенькам трапа. – Не задерживайтесь на выходе...

¹⁵ Абайя (араб. – плащ) – длинное традиционное арабское женское платье с рукавами; не подпоясывается. Предназначена для ношения в общественных местах. Обычно черного цвета.

Поезда на Канарских островах не ходят. Люся порекомендовала Анне добираться на автобусе. Удобно, дешево и комфортно.

– Только на гуагуа! Не вздумай тратить полсотни евро на такси.

– Это как? – попыталась узнать Анна.

Королева пещер настолько сроднилась с островом и не сразу догадалась, что именно в сказанном ею могло быть непонятно взрослой женщине из цивилизованной Германии. Теперь уже с расстановкой, как мать младенцу, слегка раздраженно пояснила:

– Увидишь остановку зеленых автобусов и прямиком топай туда. Сядешь в тот, который идет на юг. Дашь шоферу 5 евро и шестьдесят центов. Что тут непонятного?

– Все понятно. Но ты перед этим что-то про гуаг сказала.

– Гуагуа, – почти что прокричала Люся в телефон и заливисто рассмеялась. – Прости, это я на автомате. Здесь так автобус называется.

Анна быстро сориентировалась на местности и легко нашла стоянку общественного транспорта. Вот только чисто зеленого автобуса там и в помине не было.

– Темно-бирюзовый, – вслух подбирала туристка правильное название цвета гуагуа. – Может даже, холодный неф-

ритовый. Но вернее всего это сочный хвойный.

С одним лишь рюкзаком ей не пришлось, как всем остальным ожидающим, занимать очередь для сдачи чемоданов в багажный отсек нижнего яруса автобуса. Она первой поднялась в салон и свободно подыскала себе самое удобное ей место: подальше от входа и особо болтливого шофера; но не в хвостовой части, там, где обычно под сиденьями рычит и сотрясается двигатель; примерно посередине и обязательно по движению справа у окна. Так удобнее рассматривать местность, не мешает проносившийся по встречной полосе автомобильный поток.

Климатизированный автобус действительно оказался очень комфортабельным: с мягкими сиденьями; с индивидуальными встроенными над головой вентиляционными отверстиями, лампочками для чтения и розетками для зарядки телефонов.

Последней в автобус зашла и шумно рассчиталась за проезд одна семейная парочка. Та самая немка, соседка по сиденью в салоне самолета, в автобусе тоже устроилась в пустующее рядом с Анной место, а ее супруг остался стоять в проходе.

Анна не удержалась и на немецком языке спросила рядом сидящую женщину:

– Здесь всегда так жарко?

– Упаси господи! – ответила попутчица, демонстративно, на мгновение, подняв свои чересчур длинные искусственные

ресницы к потолку автобуса. – Только когда приходит калима.

Анна замерла чуть ли не с открытым ртом. Склоненная голова и слегка приподнятые, растянутые брови явно выражали вопрос, но она не находила слов, чтоб его сформулировать. Этого не могла не заметить собеседница.

– Так здесь называют песчаные ветра со стороны Африки. Горячее дыхание пустыни Сахары, которая в каких-то ста километрах отсюда. Периодически нас навещает.

– А как переводится «Калима»? – искренне интересовалась Анна.

– Бог его знает. Должно быть, что-то на языке гуанчей.

– Гуан... что?

– Вы, наверное, впервые на Канарах? – спросила очевидное немка. Видимо, не очень желая общения, она отвернулась и, уже не глядя на собеседницу, добавила:

– Вам будет здесь интересно. Есть что посмотреть и узнать. Дерзайте!

У Анны не оставалось другого выбора, кроме как тоже обратиться свой взгляд в противоположную сторону, где за окном автобуса лентой пролетали кадры прибрежного ландшафта. Сказать, что он ее разочаровал, вообще ничего не сказать. Куда ни глянешь – песок да камни. И еще темно-коричневые горы. Очертания их остриев сейчас едва виднелись сквозь терракотового цвета песчаной занавесы калимы. Из ожидаемого «на югах» разнообразия зеленой растительно-

сти здесь всего-то можно было увидеть десяток невысоких пальм и сотню мелких кустарников. Привязанные к длинным черным шлангам искусственного орошения, зависимые, как больничный пациент от капельницы, они ютились и могли выжить лишь только вдоль сотворенной человеком асфальтовой трассы.

Кстати, дорога здесь была намного лучше, чем прославленные немецкие автобаны. Анна специально некоторое время наблюдала за стоящей перед ней на откидном столике наполовину пустой пластиковой бутылкой. Вода в ней ни разу не шлохнулась.

На склонах голых каменистых гор кое-где торчали пустынные кактусы. Невысокие суккуленты, чьи тонкие и прямые голубого оттенка стебли усыпаны длинными сухими колючками, отчетливо подчеркивали суровость этих мест. Очень неприветливый край.

Тем неожиданнее и чужеродно, среди ничего и ниоткуда, по маршруту следования вдруг четко вырисовывался силуэт самого актуального новшества нашей цивилизации – ветрогенератора. Затем еще один, и еще. Вдоль дороги на пару километров растянулась плантация практически впритык стоящих ветряков. Железобетонные гиганты неустанно процеживали поток ветра сквозь свои узкие и длинные крылья, превращая для жаждущего и ненасытного человечества свободную силу природы в электроэнергию.

И если раньше Анна задавалась вопросом, каким наи-

высочайшим должен быть кран, необходимый для установки подобных исполинов, то оказавшись так близко к ним, невольно промолвила:

– Нерукотворное это чудо.

Пассажирка заворуженно наблюдала за синхронным вращением сотни ветрогенераторов. Каждый взмах лопастей с оглушительным гулом разрезал воздух. Герметика окон автобуса оказалась не в состоянии приглушить этот звук. Несколько раз в минуту из установленных на ветряках динамиков разносились крики хищных птиц, отпугивающие всех остальных пернатых от жизнеопасного механизма.

Лишь ничтожная часть ветряных верзил сейчас бездействовала. Казалось, что они дремали, устало опираясь двумя из трех лопастей о свое подножие.

Над каждым ветряком, под стать тахикардии, чаще чем сто импульсов в минуту, мигали красные габаритные маяки. Вблизи аэропорта далеко видимые вспышки света должны были убереечь ветрогенераторы от столкновения с низко летящими, идущими на посадку или взлетающими самолетами.

Анна не впервой задалась вопросом: «Хорошо это или плохо?» Она имела в виду отчаянную погоню за экологически чистым электричеством.

– Стоит ли овчинка выделки? – одолевал ее очередной вопрос. – Что является большим злом: выбросы дыма в атмосферу или усыпанная железобетонными конструкциями

планета?

Вместо ответа нашей путешественнице пришла на ум фраза одного неизвестного автора:

– Голос природы сильнее житейской мудрости.

Анна невольно усмехнулась и для себя произнесла:

– Но человечество всегда доказывает обратное.

Люся. Королева пещер

Остановка, на которой Анне нужно было сойти, оказалась посреди ничего. Вдали от даже мало-мальски значимого человеческого поселения. Ни одной живой души вблизи.

Пассажирка с рюкзаком невольно замешкалась, не решаясь покинуть автобус. Остаться среди пусть и чужих, но все же людей – показалось ей намного привлекательней и надежней, чем оказаться на голом пустыре.

– Это ваша остановка, – на ломаном немецком подгонял ее шофер. – Если хотите дальше ехать, надо доплатить.

– Нет, спасибо, – поблагодарила Анна и нерешительно, но все же шагнула навстречу неизвестности.

Подняв клубы розовой пыли, автобус скрылся за крутым поворотом, перед которым стоял знак *Curva peligrosa*¹⁶.

– Курва, – вслух прочитала первое слово написанного одиноко стоящая на обочине женщина и горько усмехнулась.

Медленно вращающимся волчком она осмотрела чужое и чуждое ей окружение.

– И что теперь? – не удержавшись, в сердцах крикнула Анна в никуда и, не заботясь о том, как это выглядит со стороны, плюнула в сторону ушедшего гуагуа.

¹⁶ *Curva peligrosa* (исп.) – опасный поворот.

Званная, но не встреченная гостья повернулась лицом к горам. Она догадывалась, что именно там должно быть жилище королевы пещер. Но пыльный туман калимы не позволял детально разглядеть каменистые склоны. Среди валунов и редкого сухого кустарника было бесполезно искать человеческие следы или тропинку. Здесь тоже все было покрыто терракотового цвета песком.

В какой-то момент на общем красноватом фоне гор появились едва различимые, движущиеся контуры человеческого силуэта. Неведомо как и откуда перед Анной вдруг появилась женщина.

От неожиданности и испуга гостья острова даже сделала шаг назад. Но длинные и сильные руки владычицы пещер обняли и прижали ее к себе. Несомненно, это была Люся.

– Как долго, – прошептала она, все крепче и крепче стискивая Анну.

– Да нет, наш самолет вовремя приземлился, – вроде бы невпопад, но что-то должна была сказать Анна. – Всего-то минуту как я вышла из автобуса.

Люся не выпускала гостью из своих объятий. Анне даже показалось, что эта сцена затянулась до неприличия.

Наконец, насытившись радостью встречи, королева пещер все же ослабила силу своего объятия и на расстоянии вытянутых рук стала рассматривать свою гостью с головы до ног. Анна занялась тем же.

Люся оказалась совсем не такой, какой она ее представ-

ляла.

Ей стало понятным, почему Люся не стеснялась говорить о своем пожилом возрасте. Королева могла этим гордиться. Ее красота увядала намного медленнее, а потому выглядела она значительно моложе своих шестидесяти шести лет.

Загорелая до цвета бронзы, с копной каштановых, льющихся до пояса пышных волос. В тесно облегающих бордового оттенка джинсах и розовой футболке. Немудрено, что ее невозможно было разглядеть в терракотовом тумане на фоне коричневых скал.

Высокая и стройная, с круглой и красивой формой бюста, она и в пожилом возрасте наверняка вызывала зависть в сердцах молодых женщин. Упоенных взглядов сильного пола уж точно ей было не занимать.

Мужики за ней до сих пор толпами ходят, – была уверена Анна.

Морщины, даже те украшали Люсю. На висках, как макияж египетских фараонов, они удлиняли форму больших и глубоко посаженных глаз, параллельно подчеркивая от природы ровные и узкие брови. А расположенные веером у краев губ – говорили, что человек жизнерадостен.

Длинный посох странника оказался единственным элементом, совпавшим с той картиной, которую нарисовала себе в уме Анна. И было их у Люси даже два.

Протянув одну длинную жердь, королева распорядилась: – Бери! Это тебе.

Анна подчинилась, до конца не понимая, зачем ей этот дрын. Но уже полчаса спустя, непосредственно у подножия одной из гор, куда они прошли по пыльному, поросшему редкими кустами кактусов бездорожью, она машинально и без подсказки схватила посох наперевес, держа его обеими руками, как меч, в наклонном вперед положении. От страха Анна замедлила свой ход.

На скалистых выступах расположились десятки грозных и больших собак. Одни дремали, беззаботно вытянув лапы. Другие охраняли их сон, в этот момент пристально и с подозрением наблюдая за каждым шагом вторгшихся в их владения двуногих. Их угрожающий брутальный вид говорил сам за себя. Тигровой окраски молоссоподобные стражи одним лишь видом демонстрировали свой агрессивный характер: свирепый, беспощадный и кровожадный.

Из пещер высовывали свои плюшевые мордашки многочисленные любопытные щенки. Но даже в их полусонных кукольных глазенках уже просматривалось злонравие.

Не проронив и слова, женщины настороженно и боязливо прошли мимо лога канарских догов. Анна осмелилась вновь заговорить лишь на максимальном удалении от собачьей своры.

– Откуда их тут столько? – полушепотом спросила она, продолжая идти чуть ли не на цыпочках и все еще крепко сжимая в руках деревянный кол.

– А что ты хочешь? – поучительно ответила королева. –

Даже само название «канарский» в переводе с латинского означает «собачий». Еще первые путешественники сообщали, что остров кишмя кишит огромным количеством крупных псов. Кстати, два из них украшают герб Канар.

– Но не бездомные же. Куда смотрят ваши гринпис?

– Правильнее сказать, одичавшие, – поправила собеседницу Люся. – После истребления гуанчей одомашненным собакам вновь пришлось искать свою нишу в дикой природе.

– А кто такие эти гуанчи?

– Долгая история. Дома за обедом расскажу. Кстати, предупреждаю сразу, – я очень строгий веган. Тебе диета тоже на пользу пойдет. Уж слишком ты себя запустила. Сужу по фотографиям. Десяток лет назад ты выглядела лучше. Хотя для канарских мужчин это самое что ни на есть то. Они любят пышные формы. Согласно легенде, гуанчи специально откармливали своих невест до ста и более килограмм.

Анну покорила Люсиная бесцеремонность. Она даже на мгновение лишилась дара речи. Впрочем, и так было негостеприимно спорить с человеком, который пригласил тебя в гости, готов предоставить тебе часть своего крова и поделиться своей пищей...

Права была немка, оказавшаяся случайной соседкой по сиденью в самолете и автобусе – на острове Анне предстояло многое узнать.

– И познать, наверное, тоже! – прозорливо предрекла она...

Волей-неволей ей вспомнились события сегодняшнего утра, когда она умудрилась название песчаной бури перепутать с прокламацией веры у мусульман.

– Напридумывала бог знает что, – отчитывала она себя. – Впредь будь умнее и не делай поспешных выводов.

Подобно провинившейся школьнице, осознавшей свой проступок, Анна невольно покраснела. На фоне макового тумана никто бы это не заметил. В крайнем случае, смену окраски лица легко можно было списать на ожог от раскаленного воздуха той самой «калимы»...

Какое-то время спутницы передвигались безмолвно. Лавируя между каменными глыбами, преодолевая крутой горный подъем, гостя острова едва поспевала за своим «Сусаниным». Так, в отместку за критику лишнего веса, Анна окрестила свою путеводительницу.

Обремененная тяжестью рюкзака, пышнотелая туристка из Германии явно не поспевала. Расстояние между женщинами неумолимо ширилось. В какой-то момент Анна вообще остановилась. Заливаясь потом, она грузно опустилась на небольшой каменный монолит и с трудом переводя дыхание отчаянно взмолилась:

– Постой! Давай перекурим!

– А я не курю. Давно бросила, – не оборачиваясь и не сбавляя шага, прокричала в ответ Люся.

Но, пройдя пару метров дальше и, видимо, потеряв звук тяжелой поступи попутчицы, Сусанина все же соизволила

остановиться.

Воспользовавшись этим обстоятельством и боясь, что королева может передумать, Анна поспешила спросить:

– Как вообще можно жить в этой раскаленной каменной пустыне?

– Раньше тут был обширный лес. Его испанцы порубили на свои корабли.

– И что? Вы надеетесь, что деревья снова вырастут? С такой жуткой калимой этому никогда не бывать.

– Это точно, – разочарованно согласилась Люся. – Я вот помню, каких-то десять лет назад дожди на острове шли чаще и обильнее. И калима нас навещала лишь два-три раза в год. А сейчас почти что каждый месяц.

– Так что же вас тогда здесь еще держит? – громко недоумевала Анна.

– Все остальное, – сказала и рассмеялась Сусанина.

Подняв обе руки вверх, в такт своих доводов, она стала поочередно сгибать пальцы:

– Круглый год лето, 360 солнечных дней в году, минимальная температура выше плюс двадцати, лазурное небо и гладь океана, оздоровительные воды, морской, насыщенный солью и минералами воздух, согревающий до мозга костей песок, щедрый, душевный и открытый народ, практически отсутствие криминала, низкие цены и частые праздники...

– Не жизнь, а малина, – перебила ее Анна. – Можно подумать, что рай.

– Типа того. К нам сюда люди лечиться приезжают. Специалисты НАСА и кафедры метеорологии одного американского университета признали климат Канар лучшим на планете. Прямо идеальный для страдающих заболеваниями дыхательных путей, аллергиями и артритом. Хотя я лично не рекомендую туберкулезников сюда везти.

– Хочешь сказать, что ты еще и лекарь? – Анна недоверчиво покосилась на самозванную повелительницу.

– Конечно же нет, – отмахнулась Люся. – Так, врачую по необходимости. В прошлом году приютила одного из Бельгии. У него был туберкулез. Но наш воздух и канарский молочай ему уже не помогли.

Говоря об этом, королева приблизилась к двухметровому кактусу. Сквозь красноватую пыль, которая буквально окутала дерево, просматривался его зеленый цвет. От крепкого и мясистого колоннообразного ствола растения сначала под углом, а затем вертикально ввысь тянулись зубчатые ветви, покрытые коричневыми парными шипами, напоминающие изогнутые рога коровы.

– Знакомься, это знаменитый канарский молочай. Основа основ народной медицины. Мы здесь им лечимся.

– Калечитесь, – уверенно возразила Анна. – Не зря кто-то в вашей соцсети уже написал, что от его пыльцы люди чихают, глаза слезятся. А млечный сок молочая вообще вызывает ожоги, понос, рвоту и отравление.

– С его помощью я вывожу бородавки и папилломы, – как

бы не услышав гостью, продолжила королева пещер. – Настойка молочая эффективна как слабительное, очищает организм от шлаков и токсинов. Правильный экстракт поможет остановить ректальное кровотечение при геморрое. Полезно принимать при раке. Основное правило: чем меньше доза – тем лучше, но непременно – периодически.

– А ты опасный человек, – то ли в шутку, то ли на полном серьезе высказала свое мнение гостя острова и с напускной веселостью рассмеялась. – Надо проследить, чем ты меня кормить собираешься.

– Не бойся, своих не травим, – беззлобно произнесла королева пещер и двинулась дальше. Уже на ходу добавила: – Я каждый день ем кактусы. Тебе они тоже помогут. Плюс движение. Так что поторапливайся!

Подгонять Анну оказалось излишним. Через пару шагов им практически пришлось бежать вниз по пологому склону длинной и широкой балки, поросшей мелким кустарником, многочисленными кактусами и невысокими деревцами. Там и тут виднелись желтые цветочки ракитника. Здешний ландшафт был намного зеленее и живописнее, чем у побережья.

– На склоне этой барранки мы и живем, – посохом указала Люся на противоположную сторону лощины. – Барранка это не то, о чем ты сейчас подумала. Не бублик и не женское от барана. Мне бы кто это подсказал, когда я здесь впервые оказалась. С испанского переводится как овраг.

– А тебе разрешают тут жить? Я имею в виду официально.

– Лично у меня с бумагами все в порядке. Имею российский паспорт и канарскую «резиденция» – вид на жительство.

– Меня скорее интересует, на чем участке земли ты поселилась?

– А это ничейная земля. Представь себе, что остров это торт с названием «Вулкан», на макушке которого извергалась невероятная масса шоколадной магмы. В одну сторону больше потекло, в другую меньше. Между потоками оставались углубления, покрытые более рыхлой или менее жесткой породой вулканических выбросов, которые потом эродировались ветрами, вымывались водами дождя до размеров глубоких оврагов. На острове эти барранки испокон веков являются муниципальными границами, серой и ничейной зоной.

Анна недоверчиво покосилась и иронизировала:

– Сама придумала или кто подсказал?

– Адвокат надоумил. Нам же долгие годы пришлось здесь судиться. Не я одна отстаивала право жить легально. Когда-то мы объединились, и мне выпала участь возглавить это движение.

– Поэтому ты зовешься королевой пещер.

– Да, кто-то так вначале пошутил, а потом кличка прицепилась и осталась.

Горы Канарских островов как есть изрешечены гротами и трубами вулканической лавы. В одном из скальных возвышений на краю оврага находились пять личных, обжитых пе-

щер королевы Люси. Уже издали бросались в глаза многоцветные зонтики на их входах и пышная, чуждая окружению насыщенная и яркая зелень банановых пальм.

– Здесь есть вода? – поинтересовалась гостья, из последних сил преодолевая покатый подъем. Анне показалось, что она уже слышит плеск и журчание струи. Женщина вообразила, как ее изнуренное походом тело погружается в прохладу живительной влаги.

– А как же! – с гордостью в голосе ответила хозяйка. – Иначе бы мы тут не выжили. У меня в первое время руки отваливались, таская с берега сюда баклажки с водой. Нам на счастье однажды прорвало проходящую здесь недалеко трубу водоснабжения. Не сильно, всего лишь небольшая течь. Но я вскоре заметила, что в том месте часто копошатся различные птички. Устроили там себе водопой. А вскоре и муниципальная ремонтная бригада вычислила эту пробойну. Упавшее давление в трубах им подсказало, что произошла авария.

– И ты опять осталась без воды, – сочувственно прервала рассказ Анна.

– Наоборот. Я уговорила мастеров сделать для меня водозаборный кран.

– И они прямо так и согласились?

Королева громко рассмеялась и призналась:

– Пришлось прельщать своей женственностью. Тогда я познакомилась и со своим вторым мужем. Хоть он и не надолго

со мной ужился, зато бесплатной водой пользуется уже второе поколение отшельников.

– Люся, позволь спросить. У тебя есть дети?

Королева пещер сделала вид, что не расслышала вопроса, и продолжила свое:

– В нашей коммуне сейчас примерно сорок особей. Коммуна от слова коммуналка – у нас общий и единственный источник воды. Особи – потому что мы все очень и очень разные. В сторону пляжа обосновались чернокожие, иммигранты из африканского Мали. Они меня обучают французскому языку. А глубже в горы поселились чисто испанские хиппи. Ну а вокруг меня, каждый на своей финке, сосредоточилась остальная разношерстная европейская смесь.

– А что означает... – попыталась спросить Анна, но ее опередила Люся с ответом:

– Финка по-испански хутор.

Преодолев последние метры в конце пути особенно крутого подъема, женщины ненадолго остановились на крошечном плато у входа в четыре нижние на скале пещеры.

– Я должна тебе что-то показать, – позвала за собой Люся и, нагнувшись, вошла в крайне левое, бездверное подземелье.

Они оказались в достаточно просторном и прохладном помещении. Здесь было пусто, не считая выложенного в центре из камней очага, в котором вместо дров сейчас лежал небольшой светлый сверток. Королева присела и взяла его в

руки. Обернувшись, держа сверток как матери обычно держат своих запеленатых грудничков.

– Ты спросила насчет моих детей. На острове у меня был только один, и тот родился уже мертвым.

Анна невольно сделала шаг назад и дрожащим голосом едва слышно прошептала:

– Ты и впрямь сумасшедшая! Зачем ты его хранишь?

– Не собиралась, но так получилось. Сама видишь, копать могилку в застывшей лаве практически невозможно. Да и после родов у меня на то не хватало сил. Вот здесь и положила. Думала, позже похороню на песчаном побережье. А потом долго боялась сюда войти. Представляла себе посиневший трупик и исходящий от него смрад. Когда я все же на это решилась, было уже незачем хоронить. Ребенок весь иссох.

Люся откинула верхний треугольный край пеленки и показала пыльно-коричневое, слегка растянутое по вертикали, лицо крохотной мумии: с навсегда застывшими складками сморщенной на узком лбу кожи; с глубокими темными впадинами глаз, с дырочкой на месте носа и с чуть приоткрытым беззубым ртом.

Анна опрометью бросилась на выход.

Спустя минуту, вслед за ней вышла и Люся. Не обронив и слова, она направилась к крайней справа пещере. Взмахом руки позвала гостью за собой.

Вход в это жилище прикрывала небольшая деревянная дверца, расписанная цветными знаками в форме спирали,

круга, эллипсиса, ромба и треугольника.

Внутреннее убранство пещеры удивило и восхитило Анну одновременно. Едва переступив порог, она замерла с полукрытым ртом. Это было просторное, двух метров высотой помещение. Помимо дверного проема, свет попадал сюда сквозь застекленное неровной круглой формы отверстие в потолке. Непосредственно у дверей стояло старенькое плетеное кресло. Анна с облегчением опустила на него свой рюкзак.

Противоположная входу стена имела две вырубленные в каменной породе ниши. В каждой из них стояло по одной деревянной полуторной, красиво убранной, как у наших бабушек – в цветочках и кружевах, кровати. Проемы ниш украшали тюлевые занавески. В центре комнаты стоял небольшой диван, покрытый вязанным из грубых неоновых ниток пледом. Напротив дивана на невысоком столике ютился плоский черный телевизор Samsung. Все стены были изрисованы в такие же, как и на дверях, символы.

– Настоящие? – спросила Лена, недоверчиво посмотрев на хозяйку дома.

– Большинство да. Прежде чем решила их отреставрировать, долго изучала сохранившиеся оригиналы. Для этого объехала музеи всех семи канарских островов.

– И что они означают?

– Никто не знает. Мне тоже не удалось отгадать.

– Прикольно. Египетские иероглифы сумели же расшиф-

ровать.

– Так их изучают ученые всей планеты. А вот канарскими мало кто интересуется. Уж очень они редкие и слишком разные. Практически невозможно найти зацепку или алгоритм.

Хозяйка жилища подошла к столику с телевизором и, указывая на висящий над ним на стене треугольный кусок выцветшей, похоже некогда рыжей шкуры, пояснила:

– Это тамарко¹⁷ – традиционная у гуанчей капюшонообразная накидка. С ней вообще мистическая история произошла. Первые годы пещера пустовала. Здесь точно ничего не было. А одним утром я нашла тут этот старый капюшон и разрисованные бусы из глины. На следующий день бусы исчезли и больше не появлялись.

Выдержав небольшую паузу, Люся предложила:

– Чувствуй себя как дома. Располагайся. Можешь принять душ. Он находится чуть ниже, спускаешься по ступенькам. Правда, вода у нас исключительно холодная. Хотя в такую жару это только в радость. Потом приходи на кухню, будем обед готовить...

Полдник оказался очень даже скромным. Люся заправила зеленый салат свежавыжатым соком лимона и столовой ложкой душистого оливкового масла. Анна почистила и порезала одну маленькую канарскую папайю на двоих. На десерт были разноцветные, зеленые, желтые, оранжевые и краснофиолетовые тунасы.

¹⁷ Tamarco (словарь гуанчей) – одежда из кожи.

– Фрукты кактуса, – пояснила Люся. – Тоже пришельцы. Из Мексики завезли. Не вздумай где на обочине их голыми руками сорвать. Больше чем крапива. Ее колючки потом неделями на коже горят.

Сидя за столом, королева пещер, как и обещала, долго и красноречиво рассказывала гостье об острове и аборигенах.

– Канарцы считают, что в их жилах течет кровь загадочных гуанчей. Если им верить, то они прямые потомки исчезнувшей античной Атлантиды, сумевшие спастись на этих островах. От этих мифов, наверное, Платон в гробу переворачивается.

– Я успела прочитать в интернете, – внесла свою лепту в разговор Анна, – что гуанчи были очень высокие, светлокожие блондины. Что-то типа шведов или северных поморов. Как они, не имея флота, оказались на островах вблизи Африки?

– Бог их знает, – развела руками Люся. – Наверное, не зря, в отличие от латинского наименования «собачьи», гуанчи называли острова землей храбрых. В этом плане я тоже склонна согласиться с арабскими мореплавателями, которые именовали гуанчей народом мин алеадам. Типа неизвестный, из ниоткуда. Кстати, туда бедолаги и сгнули...

В это время раздался звонок. Извиняясь, хозяйка достала из заднего кармана своих джинсов потертый кнопочный телефон.

– Олла! – вежливо поприветствовала она позвонившего.

Не пройдет и минуты, как королева пещер уже раздраженно, на высоких тонах стала кричать в трубку на испанском:

– Но ми интересе. Эскупа ме, эскупа... Эль динеро зигуе съендо динеро ен Африка тамбиен. Ун клиенте деснудо съендо ун клиенте, съемпре у куандо пагуе¹⁸.

Не вдаваясь далее в услышанное, Анна начала убирать со стола, стараясь бесшумно курсировать между кухней и столовой беседкой за спиной ругающейся в это время по телефону хозяйки финки.

Она успела перемыть гору скопившейся на кухне грязной посуды и вытирала ее, когда Люся на счастливых нотках наконец-то закончила свой телефонный разговор.

– Что-то случилось? – подала из кухни голос гостья.

– Так, мелочи, – ответила Люся, с веером в руках облегченно откинувшись на плетеную спинку обеденного стула. – Звонили из полиции. Арестовали моих новых постояльцев. Нудисты из бывшей ГДР пытались сегодня отовариться в супермаркете.

– Голыми?!

– А то. Божьи одуванчики и в быту отрицают одежду. Они сюда своим ходом добирались, практически не выходя из автомобиля. Благо разрешается на корабле.

– Но не в магазине же!

¹⁸ Hola... Escucha me... Escucha... El dinero sigue siendo dinero en África también. Un cliente desnudo sigue siendo un cliente, siempre y cuando pague (исп.) – Привет... Послушай меня... Слушай... Деньги, они и в Африке деньги. Голый клиент тоже клиент, если он платит.

– А что, прикажете им с голоду помирать или авоськи у прохожих отбирать? Вот я полиции и продавцам заявила, что деньги, они и в Африке деньги, а голый покупатель тоже покупатель. Договорились, что их теперь на заднем крыльце супермаркета отоваривать будут. В любом виде!

Чуть задумавшись, Люся лукаво улыбнулась и полюбопытствовала:

– А вот где, в каком месте на голом теле они деньги хранят?

– Тьфу! – вырвалось у Анны и уже хором обе женщины расхохотались.

Возвращаясь из кухни в беседку, Анна задержалась на полпути и, глядя на спину хозяйки финки, раздумчиво произнесла:

– У тебя столько родинок. Прямо не счастье. Существует поверье, что это знак самого счастливого человека.

Сказала и кончиками пальцев нежно провела по плечу подруги.

Все это время размахивающая веером Люся вдруг замерла. Но тут же судорожно передернулась и, будто ее током стукнуло, шарахнулась в сторону. Даже стул успел завалиться на противоположный бок.

– Что за хрень ты несешь? – грубо выкрикнула она. – Да что ты вообще знаешь о людях и о счастье?

– Прости, я не хотела, – дрожа губами, извинилась Анна. – Мне показалось, что ты очень довольна своей жизнью. Все

знаешь и все умеешь. Помогаешь другим и потому востребована. Это ли не счастье?

– Научись не делать поспешных выводов, – уже чуть мягче ответила ей королева пещер. – Ты же не можешь знать, какие грехи за мной числятся.

– Извини. Я просто по себе сужу. Вот меня в жизни ничто уже не радует. Казалось, чего не хватает? Дом, машина и богатый заботливый муж. Вся моя жизнь прошла на всем готовеньком. Так-то я сирота. Меня из роддома чужая забрала. Пусть не родная, но Арьяна Тимофеевна заменила мне и мать и отца. Я ни одного дня в жизни не страдала. Пиявкой жизнь прожила. Мне не пришлось, да и никогда не горела желанием, о ком-то заботится, кому-то помогать. Не успела даже Арьяне Тимофеевне стакан воды перед смертью поднести.

– Так... это как... бабушки уже нет?! – с трудом выдавила из себя Люся, медленно опускаясь на цементный пол беседки.

– Да. Теперь я круглая сирота. Ни пользы, ни толку от меня. Скажи, как мне дальше жить?

Хозяйка финки, похоже, уже не обращала внимания на слова гостьи. Она сидела на земле, потупив взгляд и печальным образом опустив в пыль свои загорелые ладони.

Выждав пару минут и не получив ответа на свой вопрос, Анна неуверенно заявила:

– Будет лучше, если я уйду.

Не по возрасту прытко и стремительно Люся вскочила на ноги и подбежав к Анне стиснула ее в своем объятии.

– Не оставляй меня. Прошу, – нашептывала она сквозь слезы. – Мне надо тебе многое рассказать. Ты только не смей себя во всем винить. Любовь, заботливость и ласка передаются детям от родителей. В основном с молоком матери. И если ребенок в детстве это не получил, он жаждет и ищет это на стороне, хотя сам то не умеет толком полюбить. У него нет шансов стать хорошим семьянином. Я в своей жизни встречала много людей, которые от родителей не получили душевного тепла и, в свою очередь, сами тоже остались холодны к своим детям и внукам. В нашей коммуне двое из трех этим страдают...

Ее последние слова практически захлебнулись в потоке слез.

– Ты поплачь, – пыталась успокоить подругу Анна, постоянно гладя ее по спине. – Тебе надо выплакаться, Люся.

– Муся, – чересчур по-детски вдруг пролепетала хозяйка финки, не переставая содрогаться от собственных всхлипов.

В голове у Анны промелькнула мысль: «Должно быть, Люся бредит». Стараясь заглянуть ей в глаза, она спросила:

– Почему Муся?

– «Не пьячь, Муся». – Так меня всегда утихомиривал мой первый муж. Знаешь, он не выговаривал букву «л».

– Klopff, klopff, – неожиданно прозвучал басистый мужской

голос. – Dürfen wir rein¹⁹?

У входа в беседку стояла семейная парочка, на вид действительно напоминающая двух солнечных одуванчиков: ветром растрепанные, шарообразно торчащие во все стороны средней длины редкие белоснежные волосы на голове худющих и длиннющих загорелых голых телах. У каждого нудиста через плечо висело по холщовой суме.

– Liebe Königin, vielen vielen Dank für die Rettung, – произнес мужчина и приложил руку к сердцу.

– Welcome, – на английском поприветствовала своих квартиросъемщиков королева, стоя спиной к гостям и скрытно утирая слезы.

– Guten Tag! – поздоровалась Анна и перевела Люсе речь немца. – Благодарит вас, королева, за сегодняшнее спасение.

– Скажи им, но проблем, – уже веселым голосом попросила хозяйка и тут же спохватилась: – Гляди, как время быстро летит. Скоро вся коммуна здесь соберется. В твою честь. Пока не поздно, иди приляг, отдохни с дороги...

Во второй половине дня муть калимы достаточно рассеялась. Большая часть поднятых бурей пыли и песка успела опуститься на землю. Небо прояснилось, и сияло солнце.

¹⁹ Klopf, klopf. Dürfen wir rein? (нем.) – Тук, тук. Можно войти?

Анне действительно удалось немного поспать. Переодевшись в широкое цветастое платье на выход, которое она вопреки совету королевы пещер все же прихватила с собой, слегка подведя глаза и ярко накрасив красной помадой губы, туристка из Германии была готова восхитить жителей канарской коммуны. Но едва ее ножки в алых туфельках на невысоких, своей формой напоминающих рюмочки каблучках успели перешагнуть порог пещеры, как она сама обомлела. Искушенному взору искусствоведа предстала невероятная картина.

Уносящиеся своими вершинами в небеса величественные и неприступные горные цепи надменно наблюдали за микроскопически маленьким, незвано прибывшемся к их подножью и стоящему сейчас у входа в их пещеры существу. Базальтовые гиганты были повсюду, насколько хватало глаз: большие и маленькие, голые скалы и поросшие редким лесом вершины.

И только в одном месте, в узком промежутке между двумя утесами вдали виднелась пенистая кромка океана.

Анне показалось, что она очутилась на чужой и доселе неизведанной планете, где практически не растут деревья, не поют радужные ручейки и не разносятся трели соловья, где земля усеяна тусклыми камнями и очень колючими кактусами, а вместо воздуха – лишь пыльный туман.

Пыль медленно танцевала в лучах предзакатного солнца, в свете которого абсолютно все и вся отбрасывали на землю

розово-янтарные тени.

Подобно красной планете Марс, Анну сейчас окружал припорошенный рыжей ржавчиной ландшафт...

Внезапно, как гром среди ясного неба, раздалось длинное и глухое звучание. На дне барранки, стоя в центре выложенной из булыжников в форме спирали площадки, королева пещер дула в большую морскую ракушку.

Вокруг нее собрался десяток разношерстного люда. Бросалось в глаза, что богатство и пресыщенность явно чужды этим людям. Яркие и разноцветные одеяния нельзя было назвать одеждой. Один из хиппи, судя по бороде, человек мужского пола, был просто завернут в простыню цвета зеленых яблок. На его спутнице свисал, кажется, переделанный в платье пододеяльник в ромашку. Просто вырезала три дырки: для головы и рук. Но это было хоть что-то. Многие же вообще пришли в чем мать их родила. Судя по сплошному бронзовому загару всего обнаженного тела, эти люди очень долгое время не пользовались одеждой.

Анна поспешила к месту сбора.

Здоровались на разных языках. Виновница праздника вначале пыталась найти подходящий ответ. Но очень скоро перешла на лаконичное «чао». Благо, она недавно усвоила, что у итальянцев так приветствуют, а не говорят на прощание.

Шерсть была не случайно упомянута. Хиппи давно избегали ножниц парикмахера. Расческа и шампунь им тоже бы-

ли чужды. Длинные невымытые волосы выглядели как свалывшаяся в колтуны шерсть животного. Анне показалось, что они пахивают. Искусственные пластмассовые цветы, вплетенные в патлы, еще больше усугубляли ее подозрения.

Пришлось терпеть. Каждый из пришедших обнимал и целовал гостью из Германии. У каждого с собой был рюкзак или хотя бы пластиковая сумка, наполненные звенящим стеклом бутылок. Практически все курили. Порой пускали по кругу чересчур дымящуюся и странно пахнущую самокрутку. Лишь только из уважения к собравшимся Анна сделала из нее одну затяжку.

Чьи-то пальцы забегали по струнам гитары. Кто-то стал барабанить ладонями по крышке стула. Одна стройная голая женщина, вооружившись вилкой и ножом, подыгрывала на успевших накопиться здесь пустых бутылках. Как сговорившись, слегка подпрыгивая, вертясь и дергаясь, но неизменно и постоянно хлопая, хиппи пустились в хоровод. Потянули за собой и гостью. Нескладная мелодия вначале мешала Анне танцевать. Но, поддавшись общему настроению, она тоже закружилась. С каждой минутой у нее это получалось лучше и лучше, быстрее и быстрее.

В какой-то момент окружающий ее мир: горы, кактусы и люди – слились воедино, растворились в красноватого цвета тумане...

Ночь в пещере гуанчей

Перед тем как увидеть, Анна почувствовала нагло шарившие по ее телу руки. Еще не совсем понимая, во сне это или наяву, дрожа от страха, она отважилась открыть глаза. Помещение было наполнено малиновым светом. Но нигде не видно было лампочек. Огромная ладонь с никотиновыми пятнами на указательном и среднем пальцах в это время аккуратно откинула с ее лица прядь. Женщина успела разглядеть, утопающие в копне огненно-рыжих волос холодные светло-голубые глаза. Они завораживали. В какой-то момент ржавчина усов и бороды расплылась в улыбке. Нет, это скорее всего был звериный оскал. Желтые от того же никотина зубы были горошком усыпаны черными отверстиями запущенного кариеса.

Анна попыталась закричать, зовя на помощь. Но рука властелина прикрыла ей рот. Кожей лица она почувствовала горячее и частое дыхание чудовища. Собрав все свои силы, женщина хотела оттолкнуть от себя насильника. При этом ее ладони уперлись в твердую горячую кожу мужского тела, а с треском ломающиеся ногти впились в свинцом налитые мускулы выпуклой упругой груди. Разливаясь по жилам и венам, неведомый доселе жар вмиг заполонил женское тело. Вместо того чтобы отбиваться, уже не контролируя себя, за-

зжмурился от похоти глаза, Анна плотнее и плотнее прижималась к незнакомцу.

Неведомо когда она нащупала напоминающие ворс щетки грубые волосы. Женщина открыла глаза и ужаснулась. Худящая грудь чудовища была покрыта длинными, пепельного цвета волосами, поверх которых свисали разрисованные терракотовые бусы. На его голове треугольником возвышался капюшон из оранжево-красной козьей шкуры. И вновь Анна попыталась оттолкнуть насильника от себя. Но почему-то ладони жертвы в этот раз уперлись в мягкие, витиеватые, как у ягненка, каракулевые ворсинки. От умиления она потянулась и прижалась к ним щекой.

Глухой, выходящий из глубины груди повелительный masculinный голос нашептал ей на ухо:

– Рамагуа.

– Рамагуа, Рамагуа, – почему-то несколько раз повторила за ним незнакомое слово Анна.

Дурманящий запах мужского тела окончательно покорила ее. Вначале робкая, но с каждым вдохом все более бесстыжая истома снизошла и овладела женщиной...

Все исчезло так же мгновенно, как и появилось. Анна открыла глаза. В дверной проем пещеры вливались лучи восходящего солнца. Она огляделась. Белоснежная и не помятая кровать, аккуратно лежащее на ней одеяло и застегнутая на все пуговицы рубашка пижамы – все вместе взятое означало не более чем – кошмар ей мог лишь присниться.

Облегченно выдохнув, проснувшись попыталась себя дополнительно успокоить позитивными мыслями:

– А вспотела, так это не беда. С моим-то весом, да в канарскую жару – это даже полезно.

Не совсем доверяя своим размышлениям, Анна ретиво вскочила с постели и босиком выбежала из помещения.

На дне барранки, на небольшой базальтовой глыбе, спиной к пещерам в позе лотоса восседала и медитировала Люся.

Анна рванулась в ее сторону. Но, сбегав лишь пару ступенек вниз, резко остановилась. Дышала она прерывисто. Было заметно, как ее высокая грудь, едва сдерживаемая кружевным бюстье, буквально колыхалась под прозрачной пижамой. Ее взгляд блуждал, выдавая состояние глубокой задумчивости. Было очевидно, что ей требовалось с кем-то поделиться увиденным в ужасном сне, а может, даже и пережитым наяву. Но тут же ее сознание охладилы памятные слова:

– Не спеши делать выводы.

Смутившись и покраснев на лицо, Анна с понурой головой поспешила вернуться в пещеру.

Но прежде чем она успела переступить порог, ее внимание привлекли отчетливо видные на пыльном ржавом покрывале вчера бушующей калимы свежие отпечатки больших босых ступней. Явно мужские. И вели они лишь в одном направлении – внутрь пещеры.

Женщину передернуло. В памяти вновь всплыли детали

жуткого сна. Поднеся ладони тыльной стороной близко к лицу, она рассматривала ногти. Всегда безупречный маникюр ее рук был пассе. Все до единого ногти были обломаны, и даже яркий лак сошел...

Превозмогая страх, Анна заглянула в пещеру. Там точно никого не было. Пространство под кроватями тоже пустовало. Это легко просматривалось от дверей. Но паника уже завладела всем женским существом. Схватив лежащие на плетённом кресле свои вещи и рюкзак, на ходу одной рукой подцепив алые туфли, Анна стремительно покинула пещеру.

Стараясь не потревожить, чуть ли не на цыпочках, но широкими шагами Анна пробралась мимо все еще медитирующей Люси. А потом, не оглядываясь, бегом ринулась в сторону моря. Про посох она совсем позабыла. Злые собаки гуанчей меньше всего пугали ее в этот момент. Лениво позевывая, они грелись в лучах утреннего солнца и не уделили крадущейся мимо них женщине даже малейшего внимания...

Добравшись до берега океана и едва успев сбросить с себя ночное белье, Анна голой бросилась в набежавшую, освежающую своей прохладой волну. Трясаясь всем телом от рыданий, она долго и неистово смывала с себя невидимую грязь.

Немного успокоившись, Анна вышла на берег и первым делом набрала номер телефона одного знакомого. С Иосифом она тоже познакомилась в группе русскоговорящих канарцев. Попросила отвезти ее в аэропорт...

R1b-M269

Вещими были Люсины слова – однодневный отпуск на Канарах оказался действительно незабываемым. Через шесть месяцев Анна узнала, что беременна. Она была в шоке. Нет, ее не страшил гнев почти выжившего из ума супруга. Ее мучил вопрос: как такое вообще возможно?

Она очень часто вспоминала ночь в пещере гуанчей и всегда приходила к выводу, что это был всего лишь кошмарный сон. Выходит, что она ошибалась?

У нее родилась дочь. Гонимая страхом за ее здоровье, Анна еще на столе родильной палаты потребовала, чтобы ребенка проверили на всевозможные болезни. Что-то ей подсказало, сделать еще и этнический ДНК тест.

Девочка была полностью здорова. А вот результаты ДНК теста удивили даже выдавших виды сотрудников лаборатории MyHeritage, занимающихся этническими исследованиями по всему миру.

«Это настоящая сенсация! Просто чудо! – не боялись в выборе выражений обычно скупые на эпитеты ученые. – У вашей дочери определены митохондриальные гаплогруппы H1cf, H1e1a9, H2, H3 и H4a1e. Точно такие же, как у древних коренных жителей Канарских островов, живших в VI–XIV веках. Более того! Y-хромосомная гаплогруппа R1b-

M269, обнаруженная в образцах коренного населения (гуанчей) с умеренной частотой в 10%, у вашего ребенка превышает 50»...

В тот же вечер новоиспеченная мать позвонила Люсе.

– Я уже боялась, что больше никогда не услышу твой голос, – без приветствия, жалобным голосом промолвила на другом конце связи «королева пещер». – Ты так внезапно исчезла. А я, знаешь, приучила себя не навязываться.

Анна взволнованно, часто сбиваясь, рассказала подруге о том, что произошло с ней в ту ночь на острове, об негаданной беременности, рождении дочки и ошеломляющем ДНК.

Люся слушала не перебивая. Лишь в заключение радостно воскликнула:

– Какая прелесть!

– В смысле? – не хотела верить своим ушам Анна. Она ожидала от подруги совсем другую реакцию. Если не испуг, то хотя бы сочувствие. Вместо этого Люся как-то обыденно спросила:

– Как девочку назвала?

– Рамагуа.

– Очень красивое имя.

Чуть погодя, подбирая нужные слова, Люся добавила:

– Наконец и я стала бабушкой. В коммуне мне все обзавидуются.

– В смысле? – опять недоумевала Анна.

– В здравом, доченька, в здравом. Еще в первый день на-

шего знакомства я увидела на твоей странице в соцсети фотографию, на которой ты стоишь рядом с твоей бабушкой. Так вот, Арьяна Тимофеевна моя мама. А я, получается, твоя... Ты сможешь меня простить?